

**СТЕНОГРАММА
ОБСУЖДЕНИЯ ТЕЗИСОВ
«ТЕЛЕВИДЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ»
IV Ассамблея СВОП, 3 марта 1996 г.**

Караганов. Мы открываем второе совещание. Его будет вести Виталий Товиевич Третьяков, который стал инициатором этой темы (которая, как оказалось, действительно тема для России неизвестная еще и мало исследованная), который достал деньги и, таким образом, стал отцом-основателем еще одного направления в деятельности Совета по внешней и оборонной политике. Виталий Товиевич начнет со своих тезисов. Мы благодарны г-ну Егорову, который тоже дал нам свой документ, который здесь распространяется и который нам очень интересен. Виталий Товиевич изложит тезисы Совета, но это как бы тезисы для обсуждения. В принципе, идея нынешнего заседания — не обсуждение тезисов, а мозговая атака. Мы соберем все, что есть, и начнем на этой основе готовить документы Совета, потому что, как выяснилось, заявленная тема настолько еще не исследована, что просто еще нечего даже взвешено говорить. Хотя Виталий Товиевич написал весьма взвешенные тезисы.

Третьяков. Я не буду ничего говорить по поводу этой бумаги, которая есть. Сегодня здесь достаточно много профессионалов и, я надеюсь, они сходу улучшат этот текст и сделают его более оптимальным, поскольку взгляд изложенный здесь, во-первых, как отмечено, политологический, и профессионалы-телевизионщики наверняка найдут просто какие-то неточности. Их нужно устранить. Второе. Я бы просил все-таки не увлекаться чисто профессиональными проблемами, учитывая тему, потому что деятельность Совета — она не для разбора конкретных проблем конкретных организаций. Но, насколько я понял, когда сам попытался что-то на эту тему создать (просто для того, чтобы начать разговор, а дальше, конечно, должны вступить в дело более знающие люди), судя по всему, телевидение в восприятии людей — вещь достаточно простая: все знают, что есть телевидение, и все рады, что оно есть, все хотят быть на телевидении, все хотят выступать с экрана телевизора, некоторые даже слишком этого хотят; и как бы ясно даже, как оно делается. А вот относительно влияния на те или иные процессы в стране, что можно показывать и что нельзя показывать — ну мы просто имели пример недавно, ситуацию с Попцовым, которая ложится в тему нашего сегодняшнего обсуждения. Видимо претензии к Попцову были таковы, что то, что он показывал, не ложилось в систему интересов национальной безопасности России; видимо претензия была такова, если ее теоретически изложить. А он, видимо, считает иначе. То есть при очевидной простоте этого жанра искусства или коммуникаций оказывается, что много очень существенных проблем, тем более для такой пространной страны как Россия. Вот только в этом качестве я прошу рассматривать эти тезисы (они даже помечены не как вчерашние «тезисы к докладу», а предварительные тезисы к докладу) и вносите, пожалуйста, максимум конструктивна. И вообще их можно менять в любую сторону.

Я думаю, что будет справедливо предоставить первое слово Игорю Евгеньевичу Малашенко. С одной стороны, это не первый канал, не классика советского телевидения. С другой стороны, это не второй канал, тут еще никого не снимали. С третьей стороны, это то, что может быть, скоро снимут вообще. Есть о чем поговорить.

Малашенко. Спасибо за оптимизм Вашего вступительного замечания. Что касается темы нашего сегодняшнего обсуждения, некоторые из присутствующих помнят, что в чем-то сходная тема «Телевидение и власть» обсуждалась уже на другом почтенном собрании, на «Клубе-93», где г-н Караганов подал из зала неорганизованную, но тем более справедливую реплику, что он не понимает, как можно тратить время на обсуждение подобных вопросов. Я просто хочу его процитировать, с чувством глубокого одобрения. Тем не менее, уже второй раз за месяц мы собираемся, чтобы обсудить тему в чем-то аналогичную. Г-н Никонов, присутствующий здесь, не даст соврать, что так и было. Для экономии времени, которого очень мало, я был бы признателен, если бы вы смотрели в тезисы, потому что я хочу идти просто по тексту, чтобы мы в результате были в состоянии составить некоторый документ.

Итак, замечание о том, что проблема телевидения и национальной безопасности существует, видимо, только в России и неактуальна для других стран. Я думаю, что это не так, Россия здесь совершенно не уникальна. В качестве примера сошлюсь только на Германию, где после 2-ой мировой войны был установлен жесточайший контроль над телевидением, где телевидение рассматривалось именно как проблема национальной безопасности, и задачей номер один было недопущение

восстановления тоталитарной идеологии. И только в начале 80-х годов именно поэтому в Германии было допущено законодательно создание коммерческих компаний.

Что касается заявления о том, что эти тезисы носят политологический характер. Это правильно, и хорошо, и вот именно этого следовало бы придерживаться Совету, потому что, к сожалению, это действительно материя достаточно специфическая. Наибольшее количество замечаний у меня есть к третьей части, которая мне, честно говоря, представляется мало удачной именно по этой причине, что там уже тезисы носят не политологический характер.

Итак, один из центральных тезисов этого документа содержится в пункте 1.3. о том, что контроль над телевидением в России означает, по существу, власть в ней. Этот тезис мне представляется глубоко спорным. Что касается конкретного примера октября 1993 года, то если вспомнить психологический эффект, я действительно глубоко ценю вклад второго канала, я сам со своими коллегами выступал там в ту ночь. Но, возможно, еще больший психологический эффект имело трусливое, глупое отключение прочих каналов, прежде всего первого, которое было предпринято тогдашним руководителем «Останкино» г-ном Брагиным. По-моему, этот психологический эффект был на самом деле еще страшнее, так что была как бы боевая ничья.

Контроль над телевидением в России, с моей точки зрения, **не** означает власти в ней. Более того, я глубоко убежден из уже длительного общения с российскими политиками, что роль и значение телевидения в России существенно преувеличивается. Можно искать корни этого представления всемогущества телевидения в традициях русской политической культуры, в традициях советской пропаганды, и веры во всемогущество пропаганды (поскольку, когда говорят о роли телевидения, подразумевается явно или не явно, что телевидение может и должно использоваться как орудие пропаганды). Вместо этого, конечно, российским политиком следовало бы наконец затратить хоть какие-то усилия и понять, как же именно функционируют электронные средства массовой информации, и стремиться профессионально взаимодействовать с ними. Не пытаться их оседлать, не пытаться их контролировать, а пытаться понять те правила, по которым они должны играть. Точно так же, как это поняли их собратья в западных демократиях.

Я думаю, что контроль над телевидением в наших условиях почти во многих случаях контрпродуктивен. Это было ясно и на выборах 1993 года (я имею в виду результаты ДВР), на выборах 1995 года (результаты НДР). И, кстати, тут вчера распространялся журнал «Среда», не знаю, тот ли это номер, где есть статья г-на А.Панкина насчет того, что тот, кто контролирует телевидение, в действительности проигрывает. Статью не читал, но тезис правильный.

Я не согласен, что ведется информационная война двух каналов. Есть информационный разброс, и очень большой, между первым вторым и четвертым каналами, то есть там, где существуют полномасштабные информационные службы. Происходит это, прежде всего, по-моему мнению, потому что не устоялась базовая система ценностей в обществе. И именно поэтому, если вы смотрите Эй-Би-Си, Эн-Би-Си или Си-Би-Эс, то понятно, что вы смотрите новости общества с глубоко устоявшейся системой иерархии ценностей. В России этого нет, и во многом это и отражается на телевидении. Тезис об информационной войне я считал бы очень преувеличенным.

Здесь же на первой странице содержится тезис о том, что в России нет политических сил, которые бы сознательно стремились сузить информационное пространство бывшего СССР. Сознательно — видимо, нет; но я хочу подчеркнуть, что российская политическая элита не предотвратила сужение информационного пространства. И как хорошо знают присутствующие здесь телевизионщики, информационное пространство разваливается, сужается, и если не будут приняты дальнейшие меры, то этот процесс пойдет настолько далеко, что обратить его вспять будет очень и очень трудно.

В докладе содержится совершенно правильный, очень важный, с моей точки зрения, тезис. Это пункт 1.7. О том, что одним из наиболее мощных средств влияния России на государства ближнего зарубежья является русский язык. Вообще я бы хотел подчеркнуть именно культурную функцию телевидения в обеспечении национальных интересов России. Проводя очень грубую параллель, я просто хочу напомнить, что с точки зрения обеспечения американских национальных интересов американская массовая культура — Голливуд, Микки Маус и прочая вроде бы дребедень — имела совершенно колоссальное значение с точки зрения расширения влияния Америки за рубежом. Именно на это надо обращать внимание в первую очередь, когда речь идет о российском телевидении. Это именно язык, это именно массовая культура. Причем я подчеркиваю именно массовая, не элитарная, о которой обычно говорят русские интеллигенты, когда произносят слово «культура», а культура именно массовая, которая способна апеллировать к очень широким категориям граждан за рубежом.

Далее идет серия тезисов, которая начинается утверждением о том, что центральная власть никогда не откажется от контроля над телевидением. Это тезис правильный и совершенно понятный. Беда в России, однако, заключается не в этом. Беда заключается в том, что различные группы российской политической элиты пытаются перетягивать одеяло на себя и пытаются установить в каком-то смысле партийный контроль над телевидением. И в этом смысле они постоянно подрывают свои собственные позиции и дестабилизируют политическую ситуацию в стране. То, что действительно необходимо и то, что, с моей точки зрения, мог бы делать Совет по внешней и оборонной политике, — это проводить мысль о необходимости, ну, если угодно, некоторого долгосрочного перемирия, различных групп российской политической элиты, которой следовало бы ради своего собственного самосохранения вывести телевидение из сферы партийной борьбы. Это зависит и от признания тезиса о том, что контроль над телевидением в действительности не означает власти в России. Иными словами, контроль над общенациональным телевидением, о котором здесь говорится, должен иметь непартийный характер. Слово «непартийный» я употребляю в широком смысле слова, то есть это не может быть контроль одной определенной ветви власти, будь то исполнительная или законодательная, будь то контроль партии, опять-таки в широком смысле, говорим ли мы о партии власти или об оппозиции. Иными словами, мы можем корректнее говорить о контроле не государственном, а общественном. Механизм этот возможно разработать, хотя, как мы знаем из западного опыта, этот механизм достаточно сложен.

Что касается тезиса 1.11. о непрофессионализме современного телевидения, я бы не стал его преувеличивать. Неявно подразумевается, что раньше телевидение было профессиональным. Да, было, только надо понимать, что это была профессиональная пропаганда, а отнюдь не телевидение в современном смысле слова, когда мы имеем в виду телевидение прежде всего информационное. Хотя здесь, я согласен, предстоит очень многое сделать, и видимо сменится просто поколение журналистов, и появятся журналисты, получившие другое образование, которым не будут вдалбливать все эти стереотипы о том, что они являются выразителями обязательно определенной точки зрения и в этом смысле слова пропагандистами. Но я бы подчеркнул, что не надо сожалеть о профессионализме того телевидения, которого сегодня уже нет. Профессионального информационного телевидения в России, в Советском Союзе не было никогда.

Что касается роли телевидения, как «вбрасывателя» абсолютно любой идеи, могущей иметь разрушительный характер (пункт 1.12), отчасти это правда. Но опять-таки, с моей точки зрения, это характеризует прежде всего состояние общества, которое находится в настолько нестабильном состоянии, что любая даже самая вздорная идея, кстати говоря, генерированная, как правило, за рамками телевидения, может быть принята всерьез и послужить толчком к неким деструктивным процессам. Иными словами, существуют просто связь двух сообщающихся сосудов, и телевидение отнюдь не может рассматриваться изолированно от общества.

Дальше начинается все больше профессиональных и специфических вопросов, по которым у меня есть замечания, которые я, видимо, готов представить Совету в письменном виде. В частности, меня очень удивили пункт 2.3. и пункт 2.1. о том, что государство является единственным собственником телеэфира. В то время как даже по нынешнему российскому законодательству оно не является собственником телеэфира. Оно распределяет, дает в пользование общественный ресурс, которым является телевизионная чистота. И именно документом на право пользования общественным ресурсом является лицензия, которая выдается государственными органами, а именно Федеральной службой по телевидению и радиовещанию.

Мне не понятен тезис об отсутствии частного телевидения в чистом виде. В России большое количество частных компаний, как в сфере производства, так и в сфере вещания. И, возможно, автор тезисов имел здесь в виду, что частные вещатели до сих пор не являются собственниками средств вещания в подавляющем большинстве случаев — то есть передающих передатчиков, антенн и сети приема — если речь идет об общенациональном вещании, потому что на уровне местном, локальном и даже вещатели пусть небольшие, но в чистом виде уже существуют.

Я согласен с тезисом о том, что внедрение абонентной платы, не арендной, а абонентной платы в России крайне желательно, но, увы, боюсь не осуществимо. Я не буду комментировать часть третью, поскольку буквально каждый пункт вызывает вопросы и именно уже с достаточно специальных профессиональных позиций. Видимо этот раздел в принципе стоит ограничить сугубо масштабными, специальными проблемами телевидения, которые имеют политологическое значение, если пользоваться контекстом этого доклада.

И последнее. Я хочу повторить три тезиса, которые я уже высказывал, но которые мне кажутся принципиально важными.

Первое. Нельзя преувеличивать роль телевидения в России, и это принципиально важное положение, которое объясняет многие злключения телевидения в его взаимоотношениях с властью. Надо отдавать себе отчет, что тем самым мы оказываемся в плену инерции советских времен, где подвергнутый сегодня в программе «Время» критике министр завтра обязательно снимался за развал работы (правда не потому, что его покритиковало телевидение, а потому, что до того так уже решил ЦК КПСС; но на уровне условного рефлекса связь закрепилась другая).

Тезис второй, в частности о том, что Совет по внешней и оборонной политике мог бы содействовать заключению некоего перемирия внутри российской политической элиты и прекращению вот этой бессмысленной контрпродуктивной борьбы за партийный контроль (партийный контроль в широком смысле) над российским телевидением.

И третье. Если мы хотим, чтобы телевидение вносило вклад в укрепление российской национальной безопасности (большой вклад, потому что на самом деле я глубоко убежден, что это происходит уже сегодня), государство должно создавать, прежде всего, определенные экономические условия, то есть не столько регламентировать деятельность телевидения, сколько создавать условия для его деятельности, которые автоматически приведут к желаемому результату.

Если совсем коротко, то что касается государственного телевидения, это прежде всего, полномасштабное обеспечение его финансирования средствами госбюджета (если это возможно, — введением абонентной платы). Если невозможно финансировать из госбюджета всё, что сегодня является государственным, необходимо принимать решение о том, какие являются приоритеты, вот эти приоритетные структуры полностью финансировать, остальные — что угодно: закрывать, приватизировать... Но абсолютно недостойной является ситуация, когда на сегодня первый общенациональный канал, где 51 процент принадлежит государству, имеет ноль госбюджетных средств на 1996 год, а второй канал имеет 13,5 процентов. Понятно, что телевидение не будет работать так, как мы хотим с точки зрения обеспечения национальных интересов России.

Что же касается частных вещателей, то надо создавать условия, которые стимулируют вещателей. И это момент принципиальный, поскольку в России, как и в ряде других стран, например, во Франции, любят говорить прежде всего о стимулировании производителей. Этот путь, с моей точки зрения, глубоко порочный, я в этой точке зрения не одинок, и если будут созданы стимулирующие условия для российских вещателей, то и частному российскому телевидению будет легче, оно будет эффективней вносить вклад в укрепление национальной безопасности.

Караганов. Я еще напомним тем гостям, которое не были вчера. Все получили списки участников нашего заседания, чтобы не представлять каждого. Всем были розданы списки. Тогда мы будем представлять просто по именам.

Алексей Пушков, член директората ОПТ, представитель организации, которая родственна «Логовазу», который дал деньги на сегодняшнее мероприятие.

Пушков: У меня несколько соображений вот по поводу и постановки вопроса, и самого доклада, а также и того, что здесь говорил Игорь Малашенко. С точки зрения постановки вопроса мне кажется, что в такого рода тезисах ее, конечно, надо несколько расширить. Я думаю, что можно говорить о телевидении и его взаимоотношениях с национальной безопасностью в широком слова и в узком смысле слова. В широком смысле слова — это телевидение как важнейший элемент культурно-информационного бытия нации. И в этом смысле оно может сыграть как роль деструктивную по отношению к таким элементам национальной безопасности, как национальная культура, национальное самосознание, национальная самоидентификация и прочее, так и роль просветительную, то есть может вводить в это национальное сознание элементы из внешнего мира информационные культурные, и роль защитную, роль изолирующего средства. Сейчас ведется вокруг этой борьба, как вы все знаете, и многие политические силы склоняются к тому, чтобы телевидение начинало играть эту ограничивающую, изолирующую роль по сравнению с тем периодом начала 90-х годов, когда, по мнению многих людей, оно слишком сильно раскрылось миру. Я думаю, что в условиях России здесь надо продумать какую-то срединную модель типа французской. Эта модель очень разумная, никто не упрекает Францию в том, что она закрыта от внешнего мира, вместе с тем есть определенные ограничения, определенные квоты на демонстрацию национальных фильмов, на демонстрацию американских фильмов, национальной продукции и прочее. Я понимаю, что с точки зрения безбрежной информационной свободы это может выглядеть не слишком привлекательно, но,

учитывая психологическую ситуацию в стране и то, как рассматривается телевидение на этом фоне, мне кажется, что эта модель вполне разумная.

В узком смысле слова можно говорить о телевидении и национальной безопасности как об обеспечении постоянного информационного присутствия и влияния на собственной территории и на тех территориях, которые доступны для нашего вещания. Вот здесь в обеих этих сферах сейчас очень острый кризис. На собственной территории на Дальнем Востоке, в Хабаровске, вот в этих регионах очень часто отключаются передатчики, с радио там очень кризисная ситуация, телевидение в общем на грани остановки в целом ряде регионов России, особенно удаленных от Москвы, очень плохое техническое состояние и никаких средств пока на обновление этой техники, транслирующих устройств не выделяется. Что касается ближнего зарубежья, то здесь мы сталкиваемся с растущей конкуренцией со стороны как национальных телевидений этих стран, так и держав, которые сами заинтересованы в расширении собственного информационно-культурного присутствия. Поэтому, скажем, перекоммутация на Украине первого канала на третий канал и на дециметровые диапазоны, а так же на кабельные сети она имеет не только политический аспект, но и чисто коммерческий аспект, потому что речь идет о схватке за первый украинский канал с точки зрения размещения рекламы. Там активную достаточно роль играют крупные рекламные агентства, связанные и с западными фирмами, и чисто украинские. Поэтому тут мне кажется, что этот вопрос должен стать предметом межгосударственных переговоров и, может быть, регулироваться системой межгосударственных взаимозачетов, потому что когда г-н Марчук говорит, что ОПТ задолжало Украине 15 миллионов долларов и поэтому произошла перекоммутация, то это аргумент, конечно, несерьезный, ибо Украина задолжала России 10 триллионов рублей. Это должно стать мне кажется и предметом рассмотрения в «Тезисах..», и предметом государственной политики, которой сейчас пока в этой области нету. В результате в Баку сокращается российское вещание и турки там строят новейший телевизионный центр со всеми вытекающими отсюда последствиями в перспективе; в Узбекистане с 15 до 6 часов сократилось вещание, во всяком случае в Ташкенте. Это тенденция общая. Естественно, что в ту сферу, из которой будем уходить мы, будем приходиться финансы из различных фондов из других исламских государств. И их не в чем обвинять, они заполняют пустующее пространство; если мы неконкурентоспособны, значит они будут это пространство занимать.

Собственно по докладу. Мне кажется, что много справедливого было в том, что было сказано Игорем Малашенко. Не надо преувеличивать роль телевидения, не надо в пункте 1.5. преувеличивать эффект политической телерекламы. Телереклама у КПРФ вообще отсутствовала на последних выборах, тем не менее результаты вам всем известны. Дело в том, что тут очень сложные взаимоотношения вообще между присутствием на экране и результатами выборов. Вот я вам скажу такую вещь, что дебаты на ОПТ, ну не дебаты точнее а монологи, выступления которые были в рамках бесплатного эфира в последнюю декаду ноября смотрело от 11 до 16-17 процентов. И это самая высокая цифра, потому что это вечернее время, вечерние дебаты. Утренние дебаты смотрели от 4 до 5 процентов, а по российскому каналу вообще цифры были от 5 до 7 процентов вот эти вот выступления. То есть мне кажется, что телевидение сыграло весьма маргинальную роль в предвыборной кампании. Какую роль оно сыграет в ближайшей кампании, президентской, — это очень сильно будет зависеть от кандидатов. Пока наши политические партии, кроме Жириновского, пожалуй, телевидение используют очень неудачно.

Ну и последний очень краткий момент. Все что находится в пункте третьем, это интересно с точки зрения того, чего ждут от телевидения у нас иногда. Это показывает, что представления очень сильно отличаются от реальности, в частности, абсолютно кризисная ситуация в области финансов на государственных и полугосударственных каналах, в том числе на российском канале. Единственное, что я бы здесь добавил, в пункте 3.2, конечно, первый канал на самом деле не должен подчиняться никакому федеральному органу. Опять же меня французская система здесь привлекает. Там создан аудиовизуальный совет, в который входят представители исполнительной власти, законодательной власти и телевизионной и медиатической общественности. И причем в равной пропорции. Мне кажется такой орган, где есть и властные полномочия, и как бы общественный контроль, в перспективе (может быть это несколько идеалистически для наших условий звучит), но мне кажется, что в перспективе можно было бы ставить вопрос о создании такой организации.

Н.Леонов. Рассмотрев два варианта доклада, честно говоря, мне бросилось в глаза, что те тезисы доклада, которые представлены Третьяковым, мало связаны с проблемами национальной безопасности. Здесь говорится скорее на тему «Государство и телевидение»: вопросы собственности,

вопросы управления. Но национальная безопасность присутствует в этих тезисах весьма скромно, если не сказать, что совсем почти ее не видно. Все-таки основная, наверное, опасность и для нашего общества сейчас, и для государства — это галопирующие дезинтеграционные процессы, причем идущие во всех направлениях: и в экономике, и в политике, и в морально-нравственных критериях. Поэтому роль телевидения, о которой сейчас было сказано, что ее не следует преувеличивать, ну уж совсем никак нельзя ее и преуменьшать. По существу сейчас телевидение является главным каналом формирования мировоззрения людей. И главным каналом получения информации для людей. Потому что все остальные связи в стране практически разорваны. Даже получить доступ к нормальной печатной продукции становится для подавляющего большинства граждан невозможным. Телевидение является, естественно, основным каналом формирования взглядов людей, поэтому его значение просто невозможно приуменьшить.

Более того, после известных событий 1991 года у нас произошла очередная перестановка ветвей власти, и если мы называем прессу, органы массовой информации «четвертой властью», то, на мой взгляд, сейчас границы «четвертой власти» очень сильно раздвинуты. Она значительно превышает параметры владения других ветвей власти. О судебной я не говорю. Законодательная чрезвычайно сужена. Исполнительная власть командует материально-техническими ресурсами нашего общества и государства, но духовной сферой почти монополично владеет телевидение. Партия (КПСС) исчезла, православие, которое пытались поставить взамен, не достигло даже и меньшего процента той задачи, которая была поставлена. И телевидение является единственным центром, единственной властью, которая по существу определяет духовную жизнь общества. Поэтому вопрос, который вынесен на обсуждение Советом по внешней и оборонной политике, чрезвычайно важен. Можно было бы добавить сюда не только телевидение, но и радио, потому что это такой же канал воздействия на людей. Поэтому, исходя из принципа, что любое общество не имеет другой формы организации, кроме государства — во всем мире так уж принято, и мы с вами являемся государством, только наименее организованным, — представляется все-таки необходимым взять за основу роль нашего телевидения как интегрирующего фактора и нашего общества, и нашего государства. Если оно сыграет эту роль, то оно действительно решит проблему национальной безопасности. Если не решит, то на нем будет лежать огромная ответственность, на людях, связанных с телевидением, за россыпь, за атомизацию нашего общества и государства соответственно. Поэтому, наверное, все главные институты государства как единственной формы организации, не должны подвергаться постоянному, длительному, настойчивому обстрелу со стороны нашего основного формирующего орудия, каким является телевидение. Я имею в виду какие институты: парламентаризм, едва зародившийся в России — величайшая победа, наше последнее достижение — по существу компрометируется. Постепенно создается его негативный образ из-за того, что для нас думцы и Дума уже, действием отдельных лиц в известной степени скомпрометированы. И мы — я имею в виду общество в самом широком своем количественном выражении — относимся негативно или видим в негативном нимбе законодательный наш институт.

Скажем, наша армия, которая в любом государстве является символом государства, его эмблемой, его щитом. У нас она очень сильно эрозирована, прежде всего опять-таки под влиянием факторов, формирующих мировоззрение людей. Можно подвергать любой критике любых лиц, любые группы, политические силы, которые не так, не должным, а иногда и преступным образом используют государственные институты, но нельзя уничтожать сами институты, нельзя их рассыпать в общественном сознании, а у нас так происходит в том числе и со спецслужбами, в которых я долгое время работал, и которые являются в общем и в целом, конечно, защитником общества и государства, конечно, защитником общественной безопасности. Когда мы сейчас говорим о том, что преступность безбрежна, что коррупция безбрежна — это следствие того, что мы сами длительное время подрывали сам институт спецслужб государства, что не допускается ни в каких других государствах. Скажем, престиж того же ФБР или ЦРУ в США в общем-то не подвергается сомнению, их оберегают, это институты для сохранения общества и государства. Поэтому в какой-то степени повинны в том, что мы отнеслись спокойно к расстрелу парламента, спокойно относимся к тому что наше население избегает службы в армии, спокойно относимся к тому что наши спецслужбы умирают в бессилии, оторваны от общества, изолированы от него — в этом сказалась наша работа в том числе по главному каналу, по телевидению. Поэтому, говоря о проблемах государственной безопасности, которые иногда отрывают, вот как в докладе моего коллеги и соседа В.Егорова, от общественной безопасности, я бы их не отрывал, потому что это у нас наследие советского периода, когда у нас государственная безопасность и общественная понимались по-разному. Если государство демократическое, если государство само по себе выражает интересы общества, то интересы государственные и общественные расходиться не должны, потому что мы немедленно поправим государство теми демократическими средствами, которыми собственно мы обладаем как граждане

демократической страны. Поэтому критиковать надо не государственные институты, а тех людей, политические группы, силы которые пользуются вот этими инструментами в интересах иногда ослабления...

В.Рубанов: Постараюсь кратко. Я пока еще не принял решение опубликовать эти тезисы или не публиковать, потому что они достаточно спорны и чувствительны. Я хотел бы продолжить то, что сказал Николай Сергеевич Леонов. Прежде всего, конечно, наверное существует ряд профессиональных вопросов — как организовать телевидение как организовать управление финансами телевидения — это, я думаю, профессиональная область, которая не является предметом обсуждения. Я полностью согласен, что проблемы телевидения и национальной безопасности необходимо рассматривать через духовную сферу общества, то есть там где телевидение проявляется и я хотел бы изложить некоторое понимание информационной политики и ее элементов. И что в этой связи может сделать телевидение.

Телевидение, его влияние может способствовать определению духовной сферы, может создавать условия для его разрушения. Разными способами, включая такой как — коль скоро уж здесь г-н Пушкин назвал Францию, где есть такой ученый Пьер Бурдьё, который ввел понятие «символического насилия» — вот с помощью символического насилия можно осуществлять влияние на общество и исторически обусловленные общественные идеалы, можно заменять идеалами другими, раздражать и т.д.

Я хотел бы также отметить, что в первую очередь разрушение духовной сферы влияет на состояние государственности, если под государством понимать не набор учреждений власти, а если под государством понимать политический союз граждан в широком смысле слова. В формировании именно такого понимания государственности через духовное единение телевидение играет конечно существенную роль.

Телевидение это область специфичной культуры, в том числе и культуры информационной. А движение к информационному обществу превращает эту область прямо скажем в очень чувствительную к интересам национальной безопасности, потому что сегодня информация — это не только средство внутреннего и международного общения. В последнее время активно разрабатывается концепция информационной войны как составной части современной концепции национальной безопасности. Во всяком случае, в США эти концепции разрабатываются активно, в докладе представлены некоторые элементы того, что делается за рубежом. Я думаю, те кто проявит интерес, они могут сосредоточиться на этом вопросе.

Поэтому телевидение можно и нужно рассматривать как существенный элемент современного общественного и государственного организма, а информационную политику как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности. Я хотел бы констатировать что в настоящее время отсутствует внятная государственная политика обеспечения безопасности в социокультурной сфере. Это приводит к тому, что средства массовой информации, в том числе и телевидение, нередко вырабатывают и реализуют — я повторяю, что это не вина, а беда — свою информационную политику с преобладанием в ней элементов самовыражения, что, конечно, неплохо с точки зрения творческого развития, но это, наверное, не совсем здорово, если идет навязывание каких-то субъективных идеалов общественного и государственного устройства. Мне кажется, что недостаточно урегулированы отношения между средствами массовой информации, между государством и обществом, и отсутствие традиций соблюдения общепризнанных норм журналистской этики, с одной стороны, а также невыработанность работы государственно должностных лиц со средствами массовой информации в условиях открытого общества, с другой стороны, приводит к тому, что развивается, на мой взгляд, опасное для обеспечения национальной безопасности тенденция: укрепление гласности при ослаблении слышимости. Это явление, которое необходимо исследовать. Дело в том, что без такого единства трудно решить идею построения государственности на цивилизованных принципах общественного договора, если власть и общество друг друга не слышат, а народ не объединяют общие ценности. Я здесь полностью, независимо от Леонова, говорю то, что на мой взгляд имеет существенное значение. Единство государства не может быть обеспечено без духовного единения принципиально. При отсутствии духовно-ценностной базы общества обсуждение проблем национальной безопасности вообще может потерять смысл.

Второй момент, на который я хотел бы обратить внимание — это рационально-просветительский момент. Просвещение — важнейший элемент информационной политики, и это особо мне кажется важно в условиях, когда мы сами реформы основываем не на парадигме морального выбора, а на

парадигме выбора рационального. Если уж мы говорим о рациональном выборе, то в этом случае требуется жесткое преодоление мифов и иллюзий. Пока, на мой взгляд, преодоление одних мифов сопровождается не заменой их рациональными теориями, а насаждением других мифов. И я согласен здесь с тезисами профессора Егорова о том, что сегодня намечается тенденция к фактическому оболваниванию населения, а серьезные ученые и деятели культуры стали избегать контактов с телевидением. Мне кажется, что насаждение какого-то социокультурного типа предпринимателя не учитывает того аспекта, что по разному формировался предприниматель западный и предприниматель российский. Поэтому в России рождается вовсе не тот предприниматель, который воспитан на протестантской аскезе и он может сочетать интересы общественные и свои собственные. Сейчас у нас формируется такой класс предпринимателей, который никогда сам не разорится, но страну разорить может. Вот эта опасность, мне кажется, толком не осознается и не раскрывается. Еще раз хочу отметить, что, безусловно, от телевидения это не зависит, что мифы производит наверное не само телевидение, и здесь обращение не к средствам массовой информации, а к субъектам. Но сами средства массовой информации имеют возможность выбора между конструктивной критикой действительно общественных пороков и пренебрежительным предубеждением против «совковой» массы. Это разные немножечко вещи. Вот это людей оскорбляет, и когда мы говорим об открытости телевидения, то телевидение должно быть открыто не только для других обществ, но и чтобы свое собственное общество тоже имело возможность самовыражения. Поэтому основная претензия заключается прежде всего в том, чтобы открытость для других типов культуры не была закрытием для собственных возможностей национального самовыражения.

Я хотел бы также сказать о том, что в вопросах безопасности и сегодня представляют угрозу не внешние убийства народа какими-то внешними силами. Вот та степень деградации, которая имеет место, опасна самоубийством народа. И в этом смысле общество должно спастись от массового психоза.

В цивилизационно-культурном аспекте существуют ряд специфических моментов, которые прежде всего относятся к проблеме соотношения баланса информации. Есть два канала: это те каналы, которые позволяют нам заимствовать технологии от технологий инженерных до технологий социокультурных, которые позволяют обществу продуктивно работать; и второе — это развлекательная сторона, которая позволяет людям активно отдыхать. Мне кажется, преобладание второго над первым приводит к тому что называется в политологии «революцией притязаний», то есть люди хотят красивой жизни, не понимая, чем это достается. И вот эта революция притязаний может предъявить завышенные требования к архитекторам реформ, что, мне кажется, необходимо иметь в виду.

Два слова по информационной войне. Я не буду говорить о том что это такое, потому что это отдельный разговор. Но я хочу сказать, что эти термины уже вошли в словарь, что там используются такие термины как «сдерживание» и «нераспространение», «информационная агрессия на национальной территории» и т.д. То есть это достаточно профессиональная сфера, но я хотел бы обратить внимание на то, что в числе ведения технической разведки и других специальных способов, которыми занимаются специальные службы, существует понятие «психологической войны» которая определяется как «воздействие на оценки, намерения и ориентации лиц, принимающих и исполняющих решения», в которые входит как элемент использование информационных систем для оказания воздействия на умонастроение отдельных лиц и групп, и т.д.

Я хотел бы также отметить, что власть — это духовная сила, она держится на авторитете, и когда подрывается авторитет власти, то по сути дела тем самым начинает культивировать элемент духовного бессилия, а духовное бессилие открывает прямой путь к насилию, это тоже необходимо иметь в виду с точки зрения информационной политики национальной безопасности.

Вообще если кратко сформулировать общие рекомендации, как преодолеть негативные тенденции, я их изложил в виде формулы — это цивилизованное преодоление варварства, общественном сознании и в практике государственной деятельности. Здесь законы играют большую роль, но прежде всего здесь мы входим в духовную тончайшую сферу и само общество начало развиваться с того что стало вырабатывать для себя табу. Поэтому создание «табуированных», священных моментов для информационной политики является главнейшем. Существует целый ряд образцов, когда, например, сцены насилия демонстрируются и т.д. Эти табу необходимо тоже рассматривать и не апеллировать только к таким грубым нормам, как законы о средствах массовой информации и другим юридическим актам. Это слишком грубая регламентация деятельности, она никогда не разрешит те конфликты, которые существуют в духовной сфере. Поэтому, я считаю, что именно прежде всего высокая степень информационной и духовной культуры для работников

телевидения является важнейшим залогом решения проблем связи между телевидением и национальной безопасностью.

Ю.Болдырев. Довольно любопытно, что первые два выступления — это были выступления представителей телевидения. Видимо, мы должны исходить из того, что представители телевидения, так же как представители производителей любых товаров и услуг, будь то медицинские лекарства или сникерсы лучше знают, что нужно гражданам, что нужно потребителям этих товаров и услуг.

Я думаю что все-таки было бы правильно, чтобы исходные постановки задачи исходили не от производителей, а от потребителей. Это первое замечание, которое, естественно, как я понимаю, теперь будет сглажено такой очередностью.

Второе, на что хотел бы обратить внимание. Мы смешиваем два понятия контроля. Один контроль — я не знаю такого общего термина — его можно было бы назвать условно конституционным или нравственным. То есть то, что проистекает из возможности и необходимости конституционных ограничений, то есть ограничения на призывы к войне, к насилию, на порнографию и т.д. Это одна сторона. Политический контроль — это совершенно другое. И вот здесь я прежде всего не согласен с тем, что контроля нет. Контроль есть и, насколько я могу судить, чрезвычайно жесткий. Другое дело, что он осуществляется сегодня иными методами, нежели в советские времена. Я приведу позже несколько примеров, но хочу оговорить, что здесь дискутировался вопрос выигрывает контролирующий или проигрывает. Нельзя сказать, что контролирующий всегда однозначно выигрывает или проигрывает, но безусловно можно сказать, что всякая односторонняя подача информации — а это и есть по сути дезинформация — практически всегда ведет к дезориентации населения и к тому, что контролирующая получает кроме желаемого эффекта в долгосрочном плане еще и какой-то иной совершенно противоположного характера эффект. Ну, можно привести такой пример. Как нам ни показывали массовиков-затейников в огромном количестве вместо нормальной работы парламента, разумеется массовики-затейники не избираются в результате. Здесь мы можем быть свидетелями все-таки какого-то глубинного здравого смысла населения. Но в тоже время парламентаризм в целом дискредитируется весьма и весьма очевидно. То есть если это и есть исходная на самом деле задача, то в общем весьма странно тогда говорить о том, как это может совпадать с интересами национальной безопасности страны. Тогда возникает вопрос: что есть государство и как это государство трактует представление национальных интересов своей страны.

Могу привести второй пример, который демонстрирует, что контроль есть и очень жесткий. Скажем, в одном крупном регионе один известный в регионе политик, представляющий свой регион в верхней палате парламента и получивший при опросе, проведенном совершенно официально законодательным органом этого региона, первое место как первый политик в этом регионе, на протяжении всего 1995 года не мог получить ни разу время для выступления в эфире, и получил лишь в конце года лишь 25 минут. Значит, после этого говорить что нет контроля, что власть не оказывает существенного политического контроля на средства массовой информации — наверное, просто несерьезно. Другое дело, что если говорит о результате, и в этом случае, мы видим результат иной. Вряд ли мы можем говорить о том, что те политики, которые жестко ограничивают возможность выступления своих конкурентов или дают возможность раскручивать псевдоконкурентов, вряд ли они получают безусловную народную поддержку, любовь и гарантию того, что они будут избраны или переизбраны. Но очень часто получается просто ситуация того тупика, о котором сейчас все говорят, ситуация вакуума, когда вроде бы можно пошутить так, что достаточно любому из присутствующих здесь пройти во второй тур, чтобы переиграть всех, любого из тех реальных конкурентов, которые там окажутся. Другое дело, что ни один из сидящих здесь конечно во второй тур не пройдет. То есть ситуация тупика, когда действительно известных политиков, которые были бы реально известны, которые реально получали бы возможность к доступу в средства массовой информации — этот круг оказывается чрезвычайно ограничен. Говорить о том, что такая ситуация на телевидении может быть без жесткого контроля со стороны господствующих политических сил, разумеется, просто невозможно.

Приведу еще один пример, касающийся напрямую национальной безопасности. Скажем, на протяжении длительного времени ряд средств массовой информации, в том числе российский телеканал, раскручивал конкретный проект закона или закон, который проводился конкретной политической силой. Причем напрямую касающийся долгосрочных национальных интересов страны и вопросов национальной безопасности. Я имею в виду закон о соглашениях о разделе продукции. Я сейчас не говорю, кто прав, кто виноват и в чем. Но я подчеркиваю, что информация выдавалась сугубо односторонне, вплоть до того, что можно привести дни, когда в одной только передаче

«Парламентский час» давалось подряд три выступления в поддержку одного варианта закона и не одного с альтернативной точкой зрения. И более того, даже когда телевидение формально по закону и не только формально, строго по закону, обязано предоставлять время для изложения альтернативной точки зрения — и это даже не делается. Например, когда комитет верхней палаты парламента по бюджету принял официальное решение и направил на государственное телевидение с требованием предоставить время для изложения альтернативной точки зрения, это решение было заволакичено, то есть оно ходило по инстанциям долго-долго, отзванивали какие-то люди, говорили, что они ведут работу и т.д. В общем прошел месяц, два, три — так ничего и не случилось. Говорить, что это просто случайно, само собой — ну, наверное, здесь таких наивных людей нет. То есть нужно констатировать, что контроль существует, контроль чрезвычайно жесткий, вплоть до прямых нарушений закона, а вот кто есть субъект, осуществляющий этот контроль, является ли этот контроль публичным, и, соответственно, можно ли публично обжаловать механизм этого контроля — вот на этот вопрос, к сожалению, мы должны ответить отрицательно. Этот контроль и это управление сегодня достаточно публичными, с достаточно понятными публичными механизмами — таковыми, к сожалению, не являются. Конечно, можно сетовать, на то, что существует варварство, но возникает вопрос: откуда возьмутся силы для преодоления вот этого вот, откуда возьмется высокая степень информационной и духовной культуры?

И последнее маленькое замечание. Здесь собрались все люди не наивные. Все понимают реальные механизмы функционирования этого контроля. Я приведу вам один пример. Думаю, что многие руководители так или иначе не только сталкивались, но может и активно использовали это. Вот я как заместитель председателя Счетной палаты проводил ряд переговоров с теми, кто являлись бы кандидатами на должности руководителей служб по работе со средствами массовой информации. И ко мне приходили люди, которые занимались организацией этого дела, в том числе в других структурах, и в том числе в исполнительной власти. Я им задаю конкретный вопрос: не говорите мне, что вы все сделаете под ключ, что вы обеспечите все прекрасно. Вы мне скажите, как решить конкретную проблему преодоления информационной блокады конкретно по вопросу о соглашениях о разделе продукции. Вы знаете какой ответ дается? Ответ очень простой: нужно просто проплачивать информацию. Вот если сегодня наука проплачивает информацию и есть наука работы со средствами массовой информации, то нам нужно ставить вопрос, который мы обсуждаем на какие-то более реальные рельсы, говорить не о том, что недостаточна какая-то информационная духовная культура, а о том, что существуют конкретные реальные механизмы, о которых мы все с вами прекрасно знаем, и нужно говорить о том, как эти механизмы поставить под контроль общества. Все рецепты с моей точки зрения известны. Мы прекрасно понимаем, что если существует ОПТ, если оно является полугосударственным-получастным, там есть и государственное имущество и государственные средства, соответственно возникает вопрос о надлежащих механизмах в том числе и материального контроля. Если этих механизмов нет — в ближайшее время мы будем вносить в Государственную Думу и в Совет Федерации годовой отчет о работе Счетной палаты, там будет представлена в том числе и информация о результатах контроля по ОПТ. Я должен сказать, что — не буду сейчас приводить конкретные примеры — но такой степени абсолютного представлений о неограниченности возможностей брать общее — будь то имущество акционеров, включающее государственное — и расходовать на что хочу трудно себе представить даже в любых органах государственной власти. Значит, вопрос должен решаться радикально. Видимо, я согласен здесь с тезисом, нам никуда не деться от того, что в ближайшее время у нас не возникнет совершенно свободной конкуренции большого количества частных компаний. А раз так, видимо, государство должно безусловно оставить за собой один крупнейший телеканал, но безусловно он должен находиться под публичным контролем со всеми теми механизмами, которые выработаны в частности в Европе. То есть те самые наблюдательные советы из представителей в том числе разных политических сил. Все это известно, об этом сейчас в деталях говорить не нужно. Без этого мы все равно будем вести дискуссию о том, почему у нас так получается, что вроде бы что-то есть, а вроде бы чего-то нет, и вроде непонятно что в результате происходит.

В.Третьяков: Я позволю себе задать один вопрос Юрию Юрьевичу. Потому что вот этот закон о соглашениях о разделе продукции, с его точки зрения как довольно известного политика, как раз и отражал национальные интересы России в каком то разрезе. У меня такой вопрос: на ваш взгляд какие телевизионные службы — государственные, чисто государственное российское телевидение государственно-частное или акционерное ОПТ, или во всяком случае негосударственное НТВ — кто лучше, с вашей точки зрения, объективнее освещал историю с этим законом, и, следовательно, кто, с вашей точки зрения, лучше отстаивал интересы национальной безопасности России?

Ю.Болдырев. Я специально обращаю ваше внимание на то, что я не говорю о том кто прав, а кто виноват. Я говорю только об освещении различных точек зрения. К сожалению, в том примере, который мы привели и по которому вы задаете вопрос, нельзя сказать, что какая-то одна телекомпания освещала лучше, чем другие. Я могу сказать, что, скажем, российское телевидение однозначно освещало односторонне. Другие телекомпании, несмотря на все существо и всю важность вопроса, практически вообще не освещали этот весьма серьезный конфликт.

Л.Парфенов. Меня несколько извиняет именно это обстоятельство, что это перед кофе, потому что по договоренности с уважаемым председателем Совета я собирался высказать соображения по вопросу, который может показаться аудитории слишком конкретным и слишком периферийным. И второе извиняющее обстоятельство. Речь идет о вещах, с которыми связаны высшие точки рейтинга телевизионного и радиоэфира. Здесь один-единственный раз пробросом говорилось о развлекательной функции телевидения. Представляется очень важной произошедшая примерно 2-3 года назад существенная перемена в развлекательном репертуаре телевизионного и радиоэфира. Из того, каким было это изменение, можно делать далеко идущие выводы по поводу, с одной стороны, большей аполитичности населения, с другой стороны — примирения населения с собственным прошлым, изживание чувства неловкости, стыда, какого-то комплекса по поводу того, что прежде было так, а нынче — эдак, и вроде как «новые песни придумала жизнь».

Речь идет именно об эстрадном репертуаре. Мне довелось почувствовать это в собственной практике, будучи соавтором «Нового Года НТВ» и «Нового Года ОРТ» этого года — и в том и в другом случае это были самые популярные программы сезона. Но мне хотелось бы не о них говорить, а о самых эффективных и самых успешных циклических телевизионных и радиопроектах последнего сезона. Я имею в виду «Русское радио», которое в течение 3-х месяцев прошло тот путь, который остальные радиостанции проходили за 5 лет, и программу «Угадай мелодию», которая за месяц превратила своего ведущего в популярнейшую телевизионную фигуру в стране и со стремительностью, которой можно только позавидовать, превратила этот эфирный отрезок в часть уклада, в часть образа жизни людей. Повсеместная привычка именно в это время, только-только прийдя с работы, отгадывать шлягеры 50-х годов — это просто национальная мания.

Еще раз повторяю, это может показаться этой аудитории вещью не слишком серьезной, но если учесть, что возникновение всех радиостанций нового поколения на рубеже 90-х годов — это и «Nostalgie» и «Европа+» и «М-Радио» и т.д. — начиналось исключительно на англоязычном репертуаре, и передавать в эфир отечественные шлягеры это было то, что принято называть «совком», это было убожество, свидетельство провинциализма и потакание каким-то совершенно периферийным, маргинальным совершенно слоям населения, какому там деду Пахому с печки, которого в действительности не существует, то, начиная с осени прошлого года, после того, как «Русское радио» заняло сначала третье, потом второе, а теперь первое место в радиоэфире, тут рейтинг один, цена рекламы на самом деле... К этому времени уже ни одна радиостанция не могла себе позволить выходить в эфир без отечественной музыкальной продукции, включая такое «Радио 7», которое с самого начала создавалось как исключительно радиостанция мировой поп-культуры.

Как представляется, это действительно наталкивает на серьезные размышления относительно настроений аудитории. И как нам казалось в работе над этими проектами, вопреки известной очень политизированной критике «потакания коммунистам», «пренебрежения красной опасностью» и прочее, и прочее, авторы этих проектов каждый раз шли от совершенно четко сформулированного социального заказа. Ощущение все большей и большей частью людей, условно скажем так «постсоветского среднего слоя» — он конечно не отвечает никаким критериям среднего слоя западного — ощущения того, что к этой жизни так или иначе человек приспособился, так или иначе перевел свой потребительский поезд на иные рельсы и выстроил иную иерархию потребительских ценностей, которая прежде начиналась «Запорожцем» и заканчивалась «Волгой», а нынче начинается от другого флажка и заканчивается у другого флажка, он при этом при всем перестал наконец испытывать комплексы по поводу того, чего его душа просит, но об этом как бы говорить нельзя и требует только одного: требует, чтобы это было сентиментально, чтобы это обнимало его предыдущую память, предыдущий опыт. Потому что при всей раскрутке нынешнего шлягерного поколения никто не становится властителем ну если не умов то вкусов. И кстати сказать это последнее соображение в этой связи это совершенно очевидно чувствуют реальные политики, что показали думские выборы, когда тема того, какого певца, какого актера привлек тот или иной политический блок — она была просто доминирующей при всех анализах ситуации. И вот это

присвоение, ну я не знаю, самый яркий пример — творчества Людмилы Георгиевны Зыкиной, которая не имеет никакого отношения к нынешнему поколению политиков, разумеется, и не в малейшей степени ни ее репертуар, ни ее эстетика не может корреспондироваться с российским либерализмом и еще там чем-то провозглашаемым теми политическими блоками, которые ее тягали с концерта на концерт, — вот это желание показать избирателю (он же телезритель), что «Это тоже наше, это тоже с нами», и то, что мы про либерализм говорим это не означает что издалека долго не течет река Волга — вот это, может быть, не слишком осознанное, может быть, до сих пор не нашедшее адекватного анализа ощущение того, что нужно этому самому избирателю-телезрителю и заставляет действовать подобным образом. Такие вот соображения.

В.Третьяков: Правильно ли я понял, что вот сейчас так получилось, что как-то модными стали бывшие советские песни. Но вообще то все определяет рейтинг, цена рекламы. И что если бы оказалось к осени прошлого года, что рекламодатели давали бы больше денег за программы с китайскими песнями, то новогодние останкинские и НТВ вечера были бы китайскими? Или все-таки что-то бы боролось?

Л.Парфенов. Нет, тут обратная зависимость на самом деле. Сначала «Русское радио» предложило (если говорить о радиоэфире, я сказал, ну просто там все некорректные просчеты, все эти рассказы про то, какое количество людей слушают ту или иную радиостанцию, это все не очень честно, мягко говоря; я поэтому сказал, имея в виду радио-цену рекламы) такую жанровую палитру, которая была мгновенно воспринята аудиторией на «ура!» и от этого поползла там вверх цена рекламы. Что касается старых песен на «Огоньках», здесь просто исходили из совершенно четко ощущаемого запроса аудитории, шли ему навстречу: вот есть домашний праздник Новый Год, здесь должно быть то, что особенно сейчас желанно, а особенно сейчас желанно вот это. Здесь был расчет вполне такой: «Чего изволите».

В.Третьяков. Мы все ждем, как мне кажется, что какое частное телевидение или альтернативное телевидение подставит ножку государственному телевидению за счет того, что государственное телевидение связано официальными рамками и трактует события в определенном контексте, а более свободное независимое телевидение не имеет этих рамок, поэтому оно более интересное, и вот таким образом, оно выдавит государственное телевидение через политическую информацию. А вот на итальянском телевидении случилось следующая никакого отношения к политике не имеющая ситуация, поставившая под угрозу выживания три государственных телеканала. Примерно неделю назад один частный канал, который не охватывает всю территорию Италии, а по-моему 65 процентов национальной аудитории только имеет, купил эксклюзивные права на трансляцию всего национального футбольного чемпионата на три года вперед. Соответственно, три государственных канала, которые тоже показывали раньше эти футбольные матчи, теперь не будут их показывать в силу этого договора, и они просто не знают, что делать, потому что и одному-то государственному каналу тяжело без футбола, а их тут целых три. Так что опасность может прийти не со стороны политики, а совершенно с неожиданной стороны.

В.Егоров. Мартовские тезисы Виталия Товиевича, конечно, это не «Апрельские тезисы», но тем не менее, они создают нам необходимую атмосферу, для дальнейших размышлений, по поводу роли телевидения в укреплении национальной безопасности. Мне кажется, что Совет по внешней оборонной политике делает исключительно важное дело когда, одним из первых занимается проблемами телевидения.

Мне кажется, что один из коренных вопросов, в дополнение к тому, что я уже написал, и коллеги могли познакомиться с этими материалами, проблема номер один — это взаимоотношения государства и телевидения. Мы сейчас, находимся на стадии перехода от государственного управления к государственному регулированию отношений общества, государства и телевидения. Этот процесс свойствен не только нашей России, но и всей Центральной и Восточной Европе. Болезненный процесс, по разному в разных странах он проходит, но тем не менее движется все к тому, что идет процесс разгосударствления телевидения. Но этот процесс, как и все другие, нуждается в серьезном управлении и в серьезной оценке своих этапов. Мне кажется, что главный смысл государственной политики в области телевидения — это создание правовых условий обеспечения свободы слова и

свободы информации в обществе. В этом главный смысл и сверхзадача государственной политики в области телевидения в частности.

К первому разделу «Тезисов...» у меня отношение такое приблизительно, как и у Игоря Малашенко. Я считаю, что некоторые положения можно использовать в дальнейшей работе, но в принципе эти тезисы нуждаются в серьезной переработке и переосмыслении. В частности, соображение о том, что идет информационная война: если каналы между собой соперничают на самом деле, идет нормальная, естественная конкуренция, соперничество различных каналов вещания, что является естественным для всякого цивилизованного общества. Здесь нет никакой угрозы гражданской войны, если все это в пределах цивилизованных правил. Я думаю, что сейчас в отношении государственного регулирования вещания мы находимся в очень парадоксальной ситуации. Принят закон «О средствах массовой информации» в декабре 1991 года, где в некоторых статьях содержится описание задач и функций федеральной и региональных комиссий по телевидению и радиовещанию. Комиссии эти не функционируют и не созданы. Вместо этого по указу Президента создана Федеральная служба телевидения и радиовещания, работает она при Президенте. Новый закон о телевидении и радиовещании, принятый уже Госдумой и согласованный Советом Федерации, имеет вето Президента, и поэтому судьба его дальнейшая пока не определена. Возможно, новый состав Госдумы примет какие-то в этом смысле решения. Но насколько я в курсе дела, я имел отношение к первым вариантам этого закона, по моему, в последнем варианте не содержится упоминание о том, что есть еще Федеральная служба, и что в исполнительных органах власти будет создана какая-то структура, которая будет заниматься руководством телевидением.

Система государственного телевидения тем хороша для такой страны, как наша Россия, с ее центробежными силами, различными национальными регионами, с огромной территорией, с национальными традициями. Я думаю, что государственное телевидение, особенно один общенациональный канал, естественно, должен быть поддерживаемым всем обществом, материально и во всяких политических смыслах, но существуют еще и региональные государственные телекомпании их в стране 89. Они все нуждаются в каком-то определенном выходе в эфир по одному из каналов. Они получают средства из государственного федерального бюджета. Федеральные национальные телевизионные компании, по определению в одном из указов Президента, — это те, которые покрывают своим вещанием более половины территории России.

Остальные соображения, высказаны в моем докладе, поэтому я завершаю свое краткое выступление. Хочу только сказать, что наши федеральные службы телевидения и радиовещания и наш институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания 26 марта проводят научно-практический семинар «Телевидение и выборы». Многие проблемы, которые здесь касались этой темы, я думаю, получают отражение и на этой конференции. Спасибо вам, что вы пригласили работника телевидения, у меня есть опыт и практической работы — 10 лет был главным редактором научно-популярной редакции, может кто-то постарше помнит, когда были передачи по этому каналу, было 14 часов вещания, это было: жена Эфроса, Наталья Крымова, рассказывала о театре, Владимир Яковлевич Лакшин рассказывал о литературе, Дмитрий Борисович Кабалевский — о музыке, Сергей Аполлинариевич Герасимов — об истории мирового кино. Сейчас, к сожалению, этот золотой фонд, был создан специальный золотой фонд, телевизионная энциклопедия была, но к сожалению, сейчас это прибывает в запущенном состоянии.

И.Шабдурасулов. У меня два вопроса, коротких очень. Первый вопрос по тексту. Насколько я понимаю, вы предлагаете в очередной раз провести некоторую реорганизацию, объединить три компании в одну, а второй канал отдать коммерческим структурам. Это по тексту вашего доклада. С другой стороны, вы говорите о том, что национальная беда России состоит в монополизме рекламы и экспансии, как у вас сказано, американской продукции. Нельзя ли пояснить, как соотносятся эти два тезиса, поскольку если вы отдаете второй канал коммерческим структурам, у вас остается 89 упомянутых региональных компаний, во-первых, и национальная беда России в части вот такого засилия, во-вторых.

В.Егоров: Я хочу сказать, что, конечно, в идеале рано или поздно департамент нашего правительства согласится с тем, государственное телевидение должно быть представлено на первом канале. Почему? Потому что это на одну треть охватывает вещания больше, чем второй канал. Канал, который имеет определенный свой авторитет, и я думаю, что государственное телевидение должно сосредоточиться на первом канале. Что касается второго канала, то там можно разместить целый ряд

и региональных компаний, и других коммерческих, частных компаний. И они получили бы большую возможность для своего вещания. Что касается рекламы и других процессов, связанных с засильем западных стран, то это идет от нашей нищеты. Дело в том, что общемировая тенденция, кроме разгосударствления, есть еще такая, которая связана с разукрупнением телевизионных компаний. Мы такую картину видим во Франции, в Финляндии, когда компании телевизионные и радиальные делятся на компании, которые производят продукцию фильмы и передачи, и на компании, которые выдают в эфир программы и новости. Вот так компания НТВ следует в русле этой мировой тенденции. Поэтому мы считаем, что эти тенденции, которые свойственны для мирового телевидения, рано или поздно дают о себе знать, и можно понять руководителей компаний, которые покупают на Западе дешевую готовую продукцию вместо того, чтобы производить самим, потому что им не хватает материалов. Хочу сказать, что даже в таких программах, как «В мире животных» или «Клуб кинопутешествий», если раньше вы видели прекрасные съемки, прекрасные фильмы, то сейчас «В мире животных» — это во многом передача из зоопарка, потому что нет тех средств, которые были бы возможны для того, чтобы действительно обогатить наше телевидение.

В.Третьяков: Продолжая наш принцип перемешивания «чистых» и «нечистых», подразумевая под «нечистыми» тех, кого мы видим с экрана телевизора, слово предоставляется Александру Любимову.

А.Любимов. У меня возникает большой соблазн увести эту дискуссию куда-нибудь в сторону, потому что очень боюсь, что телевидению кто-то может навредить. Телевидение — одна из немногих отраслей сегодня, которая, несмотря на отсутствие финансирования, тем не менее динамично развивается за счет новых источников, в частности, рекламы. Телевидение — это сфера, где работает очень много достаточно профессиональных менеджеров и людей, которые действительно делают его на мировом уровне. Сегодня, пожалуй, ни одна из отраслей не может похвастаться тем же. Жаль, что уважаемое общество, собравшееся здесь, таких вещей не замечает.

И поэтому и соблазн велик увести куда-нибудь в сторону. Например, спросить вас, а сколько насилия на экране хорошо, потому что это правда, если речь идет о Чечне, и сколько плохо? В какой момент показанный по новостям труп солдата это еще не разрушение (тут много разных слов таких говорилось), но еще созидание и т.д. Или спросить, а как о любви показывать? Вот поцелуй в губы — в какое время его можно демонстрировать: после шести вечера? после одиннадцати? и т.д. Уверен, что если бы мы стали обсуждать эту тему, то вряд ли бы пришли к какому-то согласию по этому вопросу, потому что в мире дискуссия по поводу того, каким должно выглядеть телевидение, сколько должно быть иностранной продукции, сколько можно демонстрировать насилия, насколько эротично может быть телевидение идет уже лет тридцать уже. И никто пока не договорился. И мне бы очень хотелось, чтобы люди это обсуждали, потому что сам факт этой дискуссии, в которой не возможно договориться, он все-таки двигает нас к некоему идеалу, которого мы, конечно, никогда не достигнем. И это было бы нам, людям, которые делают телевидение, очень любопытно и интересно — услышать точки зрения разных людей на эту сложную очень проблему. Проблему дозы.

Но, как я понимаю, этот вопрос не очень интересный и вряд ли мой соблазн увести дискуссию понравится всем. Потому что, конечно интереснее поговорить о том, как контролировать телевидение. Я бы задал вопрос многим людям, которые здесь сидят, которые работают в разных ведомствах, или работали на телевидении, как же они допустили, что например программа «Взгляд», антисоветская, шла по государственному советскому телевидению? Они же работали, получали зарплату. Очень часто встает проблема большая, что государственный чиновник, я считаю как правило, он работает хуже чем менеджер частный, потому что у него нет интересов, у него есть интерес имитировать свою работу и делать вид и вверх и вниз, что он здесь как-бы главный. И система государственного управления телевидения, на мой взгляд, абсолютно не была эффективной. Ну в условиях, конечно, страха, в условиях тоталитарного государства, наверное, была. Но, правда, телевидение было такое, что его стыдно было показывать. Сегодня, телевидение работает абсолютно на мировом уровне. Большой вопрос...

Конечно критиковать, говорить о телевидении, как о чем то таком, чего ты не касаешься в повседневной работе, что можно критиковать — так легче. И здесь вряд ли людей многих, которые здесь выступали, волнует вопрос ресурсов. Например, откуда взять это, откуда берется это. Я, например, не согласен с тем, что мы показываем иностранную продукцию, потому что у нас нищета на телевидении. Я, например, знаю, что «В мире животных» мы могли бы сделать лучше, если бы мы

хотели, если бы нам разрешили, или дали эту программу делать. Это все разговор уже о конкретных людях, которые занимают свою работу и делают ее либо лучше, либо хуже. И, в частности, вообще разговор о том, что есть как-бы люди, которые пекутся о национальных интересах, а есть люди, которые развращают, «нечистые» — да, очень хорошее слово — очень сомнительный тезис.

Мне представляется, что телевидение, как и вообще средства массовой информации — это не есть некий орган, который имеет особые полномочия, особые функции, и за которые нужно бороться. Мне представляется, что это некая арена конкуренции идей. Если вы, уважаемые господа, хотите ваши идеи высказать, или вы хотите, чтобы общество к вам прислушивалось, чтобы оно смотрело больше культуры, а меньше «Поле чудес» или «Угадай мелодию», то тогда, пожалуйста, боритесь, чтобы ваша точка зрения была представлена в обществе. И в частности, в том числе и финансовыми средствами. Я не вижу никакой проблемы в том, что люди, которые заинтересованы в законе о разделе продукции, какими-то методами пытаются влиять на телевидение. Да, мне тоже неприятно, когда я узнаю о фактах, когда журналисты нашей телекомпании берут деньги. Как правило, мы с ними разбираемся так, что нам приходится их увольнять. Но если та или иная коммерческая структура тратит средства на разъяснение своей позиции обществу по поводу какого-то закона — я не вижу в этом никакой проблемы. А что же вы их боитесь-то, вы тоже тогда найдите деньги. Деньги, конечно, не самые лучшие мерилы, но уж значительно более лучшие, чем «вертушки». Поверьте, да я думаю, что все это прошли уже. Да это довольно такой странный механизм, но в цифрах общаться легче, чем вот так вот просто поговорить, попросить, потребовать, приказывать... Более того, чем жестче такая вот система, тем она хуже. Ведь вы же боритесь за влияние, вы же тем не менее хотите сохранить влияние на людей. Какая культура, кто смотрит передачи о классической музыки, если их показывают по телевизору? Ну, так, для себя, можно поставить галочку — вот мы про культуру печемся. Вообще классическая музыка для телевидения противопоказанна. Лучше нам помогите с массовой культурой.

Кто думал в государстве о том, чтобы, например, сохранить рынок — то, о чем говорил Лёня [Парфенов], мне очень понравилось, потому что это тоже, на мой взгляд, вопрос национальной безопасности. В Грузии слушают русскую музыку, туда приезжают русские артисты. Это рынок, это наши интересы государственные, национальные. Но, конечно, это не серьезный вопрос для такого уважаемого сообщества.

Почему хотелось увести эту дискуссию, потому что во всем, что мы сейчас говорим, необходимо очень важно соблюсти чувство какой-то меры, меры того, что можно говорить, меры того, что можно просить от телевидения, меры того, на что оно способно. И в этом смысле мы не говорим о нюансах, мы не говорим о главном, мы говорим вообще. Говорим, что определять все должны не производители, а потребители. И влиять на это все. Какие потребители, если даже ведомства, которые, по идее, должны влиять — по статусу своему, потому что они главные государственные ведомств — вообще не занимаются телевидением? Армия, ФСБ. Скажите мне, какие национальные интересы защищало ФСБ, когда Александр Михайлов, уважаемый мною генерал, из Первомайской сообщил, что нет заложников в деревне, и ее бомбили. Ну, какие здесь национальные интересы? Или был недавно у нас спор на телевидении, кто-то задал зрителям, которые продвигали интересы военных и говорили нам, телевизионщикам, что «Вы плохо освещаете проблемы армии», кто-то задал интересный вопрос: «Вот вы нам скажите, когда мы вам показываем, что солдаты голодают и не имеют одежды, мы поддерживаем армию или мы ее разрушаем?» Вот где, мне кажется, в таких вещах пролегал главный такой дискуссии. А просто в общем поговорить о том, как это все, с точки зрения безопасности, я не знаю, мне это кажется очень странным и это очень далеко от сути.

Все влияют на телевидение, все хотят через него проводить свои интересы. Это арена конкуренции. Если хотите, это рынок идей. И не всегда этот вопрос решается деньгами, как думают те, кто работал на государственном телевидении. Я бы даже сказал, что никогда не решается деньгами. Наивно предположение, что спонсор влияет на содержание программ и т.д.

А.Пушков (вопрос): Вы проводите различие между государственным телевидением, государственным каналом, который существует в любой стране практически, в европейских странах, во всяком случае, всегда есть государственные каналы, и частными каналами? С точки зрения массовой культуры и прочими видами передач. Потому что, это у нас считается, что регулирующая роль государства это всегда плохо, это всегда наследие советских времен. Но если вы возьмете устав Европейского вещательного союза, который объединяет все ведущие корпорации — государственные и полугосударственные — Европы, то вы обнаружите, что там предписаны просто определенные типы передач: для детей, просветительские, спортивные, образовательные, классическая музыка и т.д. То

есть это — общемировая практика. Как вы считаете, должно ли государственное телевидение работать по тем же законам, что и коммерческое? А вот в тех же европейских странах коммерческое телевидение работает свободно, там есть некоторые ограничения законодательные, но в целом оно само определяет уже свою «разблюдовку» между различными видами и жанрами.

А.Любимов: Я думаю, что трудно разделить коммерческое и государственное, и там, и здесь, потому что форма собственности не определяет концепцию вещания. Мне трудно так сказать. А программа «Поле чудес» — она про государство? Когда там собираются люди из бывших стран Советского Союза и вообще радуются жизни; когда Леня Якубович кланяется ветеранам войны, когда они туда приходят — это вообще национальные интересы или нет? Вопросом на вопрос отвечаю. Или скажем так. Я почему хочу увести-то дискуссию, потому что государства-то нету. Если даже ведомства не могут свои интересы провести через телевидение, так куда им еще заниматься телевидением? Все наши созданные ФСБ, Советы бесконечные. Где это государство? Оно может только уничтожить. Оно поставит чиновника, который будет имитировать, что он чем-то руководит.

Дайте заказ. Дайте заказ, мне, частнику, на производство программы для детей. И не обязательно деньги мне давать. Просто скажите, что вы хотите. Я сделаю это лучше. Хотите я сделаю вам «В мире животных» — очень хорошую передачу? Будем покупать хорошие вещи, если хотите — на Западе, хотите — на Востоке. Не надо нам денег! Вы просто скажите, что нужно. Но никто же сказать-то не может, государства-то нету. Я хотел бы работать на государственном телевидении, между прочим, потому что мне очень неинтересно половину своей жизни тратить на подведение балансовых отчетов и на борьбу с налоговыми органами. Я бы с большим удовольствием, мне кажется, я мог бы и больше пользы принести, если бы я занимался исключительным телевизионным производством. Но я вынужден делать так как я делаю. Мне никто не помогает. Если уж говорить о всех каналах, да простят меня коллеги, но по моему самое антигосударственное телевидение — это второй канал, который является государственным, бюджетным. А самый государственный — это НТВ, на мой взгляд.

В.Третьяков: Я хотел бы одну реплику от себя сказать. Как мне кажется, мы очень много рассуждаем о телевидении, в том числе о телевизионной критике — одна из самых ядовитых профессий в мире. Но, по-моему, никто всерьез его не изучает. В том числе, и как оно освещает, в частности, государственную политику. Я приведу один пример. Как мне кажется, все каналы практически всего телевидения российского очень хорошо всегда, с симпатиями показывали Андрея Владимировича Козырева. И практически, все телевизионные каналы с разной степенью антипатии показывали Павла Сергеевича Грачева. Итог для Козырева абсолютно печален, в том числе и в глазах общественного мнения, ему нечего с симпатией, которые давала ему телекамера, ему нечем было ответить на эту симпатию. Были бессмысленные какие-то выражения. Хотя он более образован, чем Грачев. А Грачев научился так хорошо пользоваться телевидением, плюс, видимо, что-то еще в жизни помогло, что, как мне кажется, у него рейтинг сейчас, при антипатии телевизионных камер к нему, гораздо выше — просто такой публичный, как человека-политика — чем у Андрея Владимировича Козырева. Но это так, между прочим. Вчера Вячеслава Никонова кто-то назвал «Мозгом Кремля». Может Кремль этого не знает, но, впрочем, мы сейчас это проверим.

Ю.Болдырев. Уважаемые коллеги, три коротких реплики. Первая как раз казалась того, о чем говорил Пушкин. Конечно, научно разделять государственное и частное. Здесь не может быть такого общего подхода.

Второе, что мне кажется существенным. В средствах массовой информации есть общая форма. Если информация идет на правах рекламы, то должно указываться, что в этом месте опубликована информация на правах рекламы. Но если информация идет не на правах рекламы, то возникает вопрос о публичном механизме агитации за деньги.

И третье, что, мне кажется, применительно к теме, которую мы обсуждаем, крайне важно. Если мы исходим из того, что только за деньги мы должны через средства массовой информации подавать свои взгляды и идеи, то достаточно просто соотнести капитал наших банков и капитал, скажем, банков американских. Тогда что мы здесь обсуждаем? Тогда совершенно понятно, что денег там больше, и вопрос о защите национальных интересов, в том числе в сфере информации, можно просто снять. Понятно, что у них несопоставимо больше возможностей, в том числе, через посредство наших

каких-то подставных или не подставных банков проводить те идеи, которые им больше нравятся, в том числе и в сфере природопользования, и любом другом вопросе, которые напрямую относятся к сфере наших национальных интересов.

Ну, и последнее, если уж мы ставим вопрос ребром, тогда нужно так и фиксировать, что органы государственной власти должны получать деньги на то, что бы платить телевидению за то, чтобы выступать в средствах массовой информации. Я вполне допускаю, что до этого тоже должны прийти, но здесь должна быть четкая логика. Либо так, либо иначе. А путать рекламное время, с нерекламным временем, государственное с негосударственным, говорить, что все это в принципе и есть нормально, мне кажется неуместно.

В.Третьяков: Любимову удалось зажечь аудиторию. Не дают Никонову вступить. Несколько реплик. Я прошу только очень коротко.

А.Любимов. Очень короткая реплика, поскольку очень важный тезис, на мой взгляд. Я не говорил о том, что деньгами нужно решать эти проблемы. Я говорил о том, что нужно свои интересы продвигать. Отвечу коротко. Ни один пресс-секретарь члена Государственной Думы не отзванивает никогда. Но он получает за это зарплату. Может, вам нанять других секретарей? Может вам нанять людей, которые будут приходить к нам и объяснять, скажем про «Production Sharing», про который вы говорили? Представители разных коммерческих структур — они приходят, они объясняют свою позицию. Это люди, которые не имеют столько денег, как, вы понимаете, американцы, и у них тоже есть свои интересы. Это вопрос не денег, это вопрос участия в процессе. И вопрос денег здесь заключается, на мой взгляд, только в том, чтобы нанять квалифицированного человека, который конечно не будет работать за 100 долларов в месяц, но будет работать по убеждениям, но за 500, условно.

В.Третьяков: Еще две реплики коротких по этому поводу.

В.Рубанов. Я, может быть, к себе отнес то, что говорил Александр Любимов. Если мы будем рассматривать вопрос о взаимодействии между телевидением и государством — это один срез. Я лично пытался провести мысль, что нужна государственная информационная политика, и что тонкие принципы этой политики, если мы не будем их разрабатывать, никто не разработает. Ни в кабинетах чиновничьих, ни на телевидении. Поэтому, вот такого типа сообщество может стать генератором разработки вот этих элементов информационной политики.

И по поводу меры, о которой здесь говорилось. Мне кажется, мысль здесь заключается не в том, чтобы какие-то пропорции и проценты устанавливать. По-моему, здесь требуется некая настроенность, некое понимание состояния аудитории. О чем, кстати, говорил Парфенов — когда немножечко посмотрели, оказалось, что россияне — не совки, и оказывается, есть что показать. Поэтому это чувство меры и должно быть главным регулятором в том, чтобы эту информационную политику проводить на моральном уровне.

И.Малашенко. Я хотел остановиться еще раз на замечании г-на Болдырева. Просто напомнить, что обобщение вещь опасная. И к сожалению, я надеюсь, что невольно, его замечание создало такое впечатление, что все телевидение размещает платную информацию. Это обобщение слишком похоже на оскорбление, г-н Болдырев. Мы гордимся тем, что на телекомпании НТВ никогда в жизни не проходил платный сюжет. И ваше обобщение похоже на зеркальное утверждение, к которому мог бы прибегнуть я или Любимов, сказав, что все политики люди лживые, бесчестные и коррумпированные. Как бы абсурдность такой постановки вопроса всем присутствующим в этом зале очевидна. Поэтому, я хотел бы, во-первых, пригласить к более специфичному обсуждению, и все-таки еще раз подчеркнуть то, что сказал Любимов. Есть большое количество пресс-служб и пресс-секретарей в этом городе. Я ответственно утверждаю, как человек работавший на самых разных профессиональных занятиях, что 90 процентов, людей занятых в этой сфере, профессионально непригодны. В том числе и те пресс-службы, которые должны были добиться освещения закона о разделе продукции. Я просто знаю эту проблему. Во-первых, я не согласен с вашим утверждением, что он не освещался на телекомпании НТВ с альтернативных позиций, но то, что происходило вокруг

этого закона, просто не поддается описанию. Те политические силы, которые там схватывались в жутких совершенно схватках в Думе и в Совете Федерации, не ударили палец о палец, чтобы вверенные им службы донесли их точку зрения до средств массовой информации. И я заявляю об этом ответственно. Поэтому профессионализм не исчерпывается средствами массовой информации. Давайте вы все-таки наведете порядок в своих службах «Public Relations».

А.Любимов. (В ответ на незаписанную из-за невключенного микрофона реплику Болдырева) Если вы хотите, чтобы вами кто-то интересовался, то вы должны заинтересовать. Это не вопрос денег, абсолютно. Вы меня неправильно поняли, поэтому то, как вы комментировали мое выступление мне очень не понравилось. Я очень рад, что не я, а Игорь Евгеньевич, как бы нас всех здесь защитил.

А почему собственно вы считаете, что мы должны вами интересоваться, что вы кому-то интересны? Народ, к сожалению, предложил или мы узурпировали у него как «нечистая сила» право на то, что мы как бы излагаем его позицию. Об этом можно спорить, как вы понимаете. Мы именно узурпировали это право. Почему мы должны интересоваться именно вами? Почему вы считаете, что именно ваш закон — он важен для страны, а, скажем, Севастополь — не важен, положение адыгов и шапсугов в Сочи — не важно? Мы должны определить из этого огромного количества ценностей, которые не устоялись, о чем Игорь Евгеньевич говорил в самом начале, то, что самое важное. А вы хотите, чтобы мы вас любили, потому что вы можете принять закон на эту тему? Извините...

В.Третьяков: Поведение Александра Любимова демонстрирует, что как только человек меняет место, вот он не ведет дискуссию — там он жесткий — а когда он в ней сам принимает участие, он нарушает всяческие регламенты. Вот из-за чего все не сходится. У нас еще шесть выступающих. Мы на 15 минут продлим дискуссию. Я попрошу быть краткими. Если кто-то еще обязательно хочет выступить, быстро дайте знать, поскольку нам нужно будет сворачиваться.

В.Никонов. Как вы видите из обсуждения, тема достаточно трансцендентная, ускользающая, и я хотел бы, всячески приветствовать усилия нашего председателя по изготовлению тезисов Совета по внешней и оборонной политике, которые я предлагаю принять за основу и с ними поработать.

Я не согласен с начальным тезисом Виталия Товиевича о том, что связь телевидения и национальной безопасности — это российский феномен. Безусловно, это всемирный феномен. Внешняя и оборонная политика, как известно, начинается дома, а дома — это чаще всего то, что показывают «по ящику». К тому же, в политике, как известно, восприятие не менее важно, а может более важно, чем реальность и, естественно, телевидение имеет к созданию этого восприятия самое прямое отношение. Сейчас связь телевидения с национальной безопасностью очевидна во всем мире. Телевидение выигрывает и проигрывает войны.

Вьетнам был первой войной, которая, по существу была проиграна тогда, когда эта война стала телевизионной. Это стало очевидным. Персидский залив был выигран благодаря интенсивной телевизионной подготовке, а затем несообщению никакой информации о военных действиях, кроме точечных ударов по каким-то объектам. И никто на Западе никогда не узнает о том, что там, скажем, погибло и ранено 60 тысяч человек. Югославии телевидение, средства массовой информации показали сербов как кровавых монстров. Сербов сейчас возят в Международный суд в Гааге, а хорватов и мусульман приглашают в европейские столицы.

Я далек от того, чтобы делать вывод, что Чечню у нас тоже проиграло телевидение, прежде всего потому, что непонятны критерии выигрыша и проигрыша в гражданской войне, но то что, телевидение является важным фактором военно-политическим в России тоже — это безусловно.

Второе. Здесь был спор между максималистским подходом, который представил Виталий Товиевич: кто владеет телевидением — тот владеет властью, и минималистским подходом, который представил Игорь Евгеньевич: телевидение вообще не имеет никакого отношения к вопросу о власти. Ну, во всяком случае, эти две позиции, я думаю, на самом деле, конечно, в данном случае банальная ситуация, когда истина лежит где-то скорее между двумя этими позициями. Телевидение, безусловно, не обладает абсолютной властью, но это очень существенный компонент власти и, на мой взгляд, — иллюзия, что власть может отказаться от борьбы за телевидение, и что Совет по внешней и

оборонной политике может заставить власть эту не бороться с телевидением. Я думаю, наша задача должна заключаться в другом, чтобы сделать формы борьбы за это влияние более цивилизованными.

Третье. Вот здесь развернулся такой диалог телевидения и спецслужб в основном по вопросу содержания того, что показывают. На мой взгляд, винить телевидение в проблемах армии, в проблемах спецслужб, в войне в Чечне и в проблемах экономики — это то же самое, что говорить, что ветер дует потому, что деревья колыхаются. События имеют безусловный приоритет перед тем, как их показывают. Хотя порой у меня самого тоже вызывают недоумение некоторые моменты, прежде всего, когда выводят в эфир террористов в момент совершения террористического акта. Такие вещи мне представляются абсолютно недопустимыми. В том числе и премьер-министр Черномырдин.

На самом деле вопрос вечен как мир, то есть что есть добро, что есть зло и кто судья. И особенно в тех условиях, когда государство — я абсолютно согласен с Александром Любимовым — у нас по существу еще не создано. Там, где кто-то сейчас видит — и это хорошо проявилось в нашей дискуссии — линию, политику, политику контроля, какие-то заговоры, очень часто лежат совершенно другие факторы: лежит случайность, лежит бардак, лежит глупость и лежат какие-то мимолетные материальные интересы. Но в тоже время очевидно, что телевидение очень сильно влияет на самочувствие нации. Наше советское общественное сознание привыкло к безоблачной картинке, что бы ни происходило в стране, и такие рутинно позитивные вещи они не событийны для нынешнего телевидения, но безусловно именно они были событийны и привычны для нашего советского сознания. Сейчас мы приблизились по содержанию, так сказать, к мировой журналистике, это безусловно вызывает серьезный психологический шок, ощущение чернухи, хотя наше телевидение отнюдь не более черное, чем где бы то ни было. Я не знаю, что можно сделать в этом отношении, но вот эта журналистика «катастрофизма», характерная для всего мира, у нас часто порождает катастрофизм сознания.

И последнее дополнение к тезисам, настолько банальное, что Виталий Товиевич даже не стал об этом писать. Там должно найти отражение то, что телевидение является важнейшим фактором демократического развития, поддержания демократичного строя, предотвращения сползания страны к различным формам диктаторского правления и преодоления варварства, о чем говорил Владимир Арсентьевич [Рубанов].

В.Третьяков. Я не вписал просто потому, что некоторые считают, что демократическое развитие не является национальным приоритетом в России.

Г.Шалахметов. Я хотел бы, в начале не согласиться с утверждением в замечательном вступительном слове Игоря Малашенко о том, что мы, наконец, сбросили с ног гири пропаганды и, так сказать, парим в телевидении на ангельских крыльях вдохновения. Мне кажется, что мало удачные ролики МММ, или более изящные ролики «Империала», или некоторые подачи рок-конcertов — это просто махровая пропаганда. Вообще что такое пропаганда? Пропаганда — это навязывание своих интересов. А интересы были и есть и, более того, как мне кажется, крепнут, как мы выяснили за этим столом. И вообще это входит в понятие системы неравноправной коммуникации. Так это говорят аналитики средств массовых коммуникаций и систем. Неравноправная коммуникация. И там всегда возникает пропаганда и навязывание интересов более сильной стороны коммуникации.

Вот с этой точки зрения я и хотел бы взглянуть на предложенные документы, и в целом одобряя их, и особенно соглашаясь с некоторыми тезисами профессора Егорова, которые кстати выпали в варианте Третьякова. Я думаю, что «Мир», как межгосударственная телерадиокомпания, разработал свои идеологию, принципы коммуникации, взаимодействия всех, кто его складывает, составных частей. К сожалению, ну будем говорить так, федеральные каналы России «Мир» не особенно жалуют. Вы знаете где мы существуем, в каком виде — в виде сухарей к утреннему завтраку... Но я хочу сказать, что, начиная с марта, мы идем в расширенном варианте в Армении, Белоруссии, Казахстане на национальных каналах в вечернее время. И я думаю, что раз так решили правительства и национальные вещатели, значит в этом есть какой-то смысл, который они поняли. Надеюсь, этот смысл дойдет и до вещателей в России. Теперь я хотел бы сказать о том, что в этих тезисах не прописано. Мне кажется, что на этот счет существуют законы других стран и мнение мировых специалистов в области телевидения — в федеральном канале должно быть обязательно сделана пропорциональность и представительство всех составляющих страны. Конечно, телевидение и радио — это не аптека, но принципы представительства в эфире и на экране должны быть

соблюдены, иначе будет происходить нечто невероятное. Я возьму, скажем, проблему языкового представительства в многонациональной стране. Вот, по моему опыту — а я был министром телевидения и радио в Казахстане — у нас национальный канал Казахстана работает на 4 языках, а радио работает на 6 языках. Это, будем говорить, федеральный уровень. Дальше есть областные вещатели и региональные группы, и там это разнообразие языков как бы возникает больше. Я думаю то, что многонациональный Казахстан не взорвался в этот период потрясений — а он-то и должен был развалиться в первую очередь, благодаря весьма целенаправленным попыткам разного рода политиков, с разных сторон — то это вот благодаря тому, что сохранялся некий психологический «кондоминиум», в котором все жили, понимали, и что учтены интересы самых главных этнических составляющих Казахстана. Если это не учитывать вообще, на федеральном уровне, на региональном уровне, — происходит такая вещь, вот можно сослаться, например, в России вот эта чеченская баталия. Как же так получается, что «солдаты Аллаха» разговаривают чуть ли не в открытом эфире между собой на одном, будем говорить, из региональных языков российской федерации, а федеральные силы их не понимают? До чего же мы дошли?! Это же вопрос помимо мирной жизни выясняется, что и очень сложный вопрос. Или, ну скажем, в России, я уверен, тысячи людей, которые положили свою биографию, труд во славу России, этой страны. То есть они — и инженеры, они — кто хотите — много в разных регионах России этих людей. Ну почему же с экрана телевизора не сходят одни и те же люди?... Что-то надо делать. И вот этот принцип, принцип пропорциональности, представительства и многоязычности, я хотел бы, чтобы были учтены в этих тезисах.

С.Половников. Вам, безусловно, известен небесспорный тезис о том, что в ближайшем будущем страны мира разделятся на три части. Первая часть — наиболее развитые страны, которые будут разрабатывать и владеть информационными технологиями. Вторая часть — страны достаточно развитые, которые будут продолжать владеть машиностроительными и приборостроительными технологиями. И третья часть — это страны, которые будут обеспечивать сырьевыми ресурсами всё остальное. Понятно, куда, в какую часть стремятся отнести Россию. Так вот, технический прогресс в области технического обеспечения средств массовой информации таков, что, очевидно, в ближайшие годы они существенно изменят свой облик и отсюда произойдет изменение подходов и политиков, и тех людей, которые обеспечивают средства массовой информации, и, основываясь на этом, начинает развиваться экспансия в информационном пространстве. Эта экспансия основана на определенных технических средствах. Так, например, известно, что США разрабатывают один из проектов под названием «Теледисик», в котором предусмотрено в течении ближайших трех лет начать запуск около тысячи спутников на орбиту, и охватить весь земной шар, и завоевать все телекоммуникационное пространство. Дело заключается в том, что тот, кто владеет кнопкой вот от этого глобального телекоммуникационного пространства, будет обладать даже большими преимуществами, чем тот, кто владеет кнопкой ядерной. Так вот, в этом плане очень важно определить место России. Безусловно, Россия не сможет конкурировать — даже Советский Союз не смог бы конкурировать сегодня — в создании такой глобальной телекоммуникационной системы. Но Россия имеет возможность занять в этой системе свою достойную часть. Это означает, что, с одной стороны, мы должны быть интегрированы с этой системой, а с другой стороны, мы своей частью должны владеть и распоряжаться, и в нужных случаях, особенно опасных случаях, как-то переключаться. У нас есть в России основы для такой интеграции и для разработки такой системы. Далеко не все у нас разрушено. И Америка, и Европа заинтересованы в сотрудничестве с нами. Вот рядом со мной сидит коллега Каторгин, который недавно выиграл конкурс на поставку ракетных двигателей в США в ожесточайшей борьбе и с американскими компаниями, и с другими российскими компаниями. И вот эта часть, мне кажется, должна быть отмечена в докладе тоже. И я думаю, что для того, чтобы реализовать эту часть, необходимо взаимодействие между элитой политической, культурной, между службами массовой информации и промышленностью и наукой, которая занимается этими вопросами. Потому что известно всем: когда в начале перестройки началась критика космоса, атомных станций — что из этого получилось. Это плохо, сейчас эта критика исчезла, наоборот — осуществляется поддержка, и слава Богу. Поэтому, мне кажется, что этот тезис следовало бы особым образом отметить.

В.Батуров. Я, конечно, представлю свои тезисы, потому что в очень короткий период времени я не смогу коснуться всех вопросов. Но мне хотелось бы остановиться на одном вопросе, который сформулирован в докладе г-на Егорова. Речь идет о том, чтобы реорганизовать в очередной раз телевизионные компании две федеральные в некую единую структуру на первом канале, и сдаче второго канала в аренду коммерческим структурам. Хочу сравнить это с известным анекдотом о

слиянии Малого театра с Художественным, и в результате получился малохудожественный, с двумя сценами, а поскольку денег все равно не хватало, то помещение одного театра сдали театру стриптиза. А поскольку денег все равно не хватало, актеры из одного бегали вечером во второй.

Здесь речь идет о том, чтобы не сокращать государственное вещание, а, наоборот, увеличивать. Мировой опыт сейчас показывает, что все ведущие государства на самом деле не так уж увлечены идеей приватизации. Ну, скажем, в ФРГ появился телевизионный канал «Deutsch Welle». У американцев есть свое иновещание. Есть «France Internationale» — тоже государственная структура, которая вещает на заморские территории. И так далее. А мы пойдем по обратному пути: давайте сокращаться. На самом деле это — очень ошибочный, на мой взгляд, тезис, ведущий к подрыву национальных интересов России, и, в конечном счете, даже национальной безопасности. Эпизод октября 1993 года, дай Бог, не повторится в таком виде, но теракты в этой стране могут быть. И что произойдет, если выйдет из строя единственный государственный канал, который предлагается сейчас создать? Кто будет вещать от имени государства, на каких частотах и из каких студий? На этом я и закончу. Представлю, с вашего разрешения, довольно полный обзор тех предложений, которые я прочитал в этих двух бумагах.

А.Федоров. Я думаю, что когда мы говорим о телевидении и о безопасности, я сформулировал бы тезис следующим образом: телевидение сегодня, есть ключевой фактор личной безопасности граждан. Личной безопасности и личной устойчивости граждан, потому что разрушение телевизионной системы, в том или ином виде — в виде теракта и т.д. и т.п., прежде всего приведет к тому, что воздействие на личность, на конкретную личность, будет самым тяжелым. Тут уже правильно говорилось о том, что телевизор является, хотим мы этого или не хотим, основным поставщиком информации и т.д. и т.п. То есть безопасность государства, безопасность страны, окажется под самой большой угрозой, если будет утеряна информационная безопасность граждан. Первый момент.

Второй момент, о чем в тезисах не сказано. Проблема ключевая «Телевидение и национальная безопасность» заключается в том, чтобы обеспечить устойчивость телевидения при любой политической ситуации. Это, наверное, сейчас самое важное. Чтобы происходящие и грядущие политические изменения окончательно не дезорганизовали телевидение.

Третий момент. В тезисах совершенно обошли вопрос о возможности зарубежного участия в российской телекоммуникационной сети. А это вопрос ключевой для национальной безопасности. Если в области радиовещания зарубежный капитал уже стоит на двух ногах, в телевидении этот процесс пока закрыт, внешне по крайней мере, замаскирован и т.д. и т.п. Но я вернусь к предыдущему тезису. Допустим, представьте себе, что произойдет, если, условно говоря, после июня 1996 года, по вполне понятным причинам, многие зарубежные рекламодатели снимут свою рекламу. Выживет ли российское телевидение? Это вопрос принципиально важный. Найдется ли у государства достаточно систем альтернативной защиты? Такое тоже надо прогнозировать, изучать, насколько вся система оказывается устойчивой. Вот это самое главное.

Ю.Нестеров. Вчера была тема, казалось бы, совершенно иная, касавшаяся воссоздания СССР и интеграционных процессов. Я вижу в этих двух темах некий общий знаменатель. Этот знаменатель для меня — роль общества по отношению к государству и роль СВОПа по отношению и к государству, и к обществу. Очень интересно: с одной стороны, СВОП — это общественная организация, следовательно, это может быть представитель гражданского общества при власти. Но, судя по содержанию и многих выступлений, и документов, которые представляются, это скорее агент государства в обществе. И вот это очень серьезный момент. Мы все еще очень часто по инерции исходим из того, что интересы общества представлены государством. К сожалению, до этого России еще очень и очень далеко. Вот обсуждаем, например, то, как на экранах телевизоров предстает власть, скажем, депутаты. Депутаты, естественно и вполне законно обижены, например, что после первой части, в перерыве, все телевизионщики бросаются к Ирине Муцуювне Хакамаде, и обходят своим вниманием, например, меня. Я тоже такой умный и могу много чего сказать. Но я-то отдаю себе отчет в том, что кроме меня никто не виноват, что телевизионщики бросаются к ней, а не ко мне. К сожалению, не все депутаты так относятся к этому, тем более не все представители власти к этому так относятся. И вот в тех условиях, когда интересы общества, как неправильно считается, представлены государством, государство имеет возможность непосредственно административными рычагами влиять на все на это. И это абсолютно неправильно. Ну, кто, скажем, более всего

заинтересован в том, чтобы о работе парламента на телевидении были аналитичные, содержательные материалы. В этом заинтересован не депутат Нестеров, и не другие депутаты, и не парламент в целом. В этом заинтересовано общество. Следовательно, кто должен принять меры для того, чтобы повысилась компетентность и профессионализм журналистов в освещении органов власти? Опять-таки общество и его структуры, еще пока очень и очень слабые.

Первое предложение у меня по этому узкому вопросу, по тому, как деятельность органов власти освещается в средствах массовой информации, состоит в следующем. Давайте попробуем завести регулярные, раз в квартал... Я чуть отвлекусь. Эту ведь работу не сделаешь за раз. Вот подготовили некие тезисы, доработали их, опубликовали — проблема не решится, потому что это долгий процесс, который нужно стимулировать нам вместе, как одной из ячеек гражданского общества, если мы не агенты власти в этом обществе. Я предлагаю, попытаться учредить регулярные — раз в квартал — семинары на тему «Власть в зеркале СМИ», которые бы носили характер обсуждения того, как это было представлено в прошедшие три месяца, что происходило, как это было отражено на экране, но чтобы это не носило характер перепалки и продажи собственных имиджей. О том, как это сделать, нужно специально думать, но очень важно, что если инициатива будет исходить от парламента, идея на корню обречена. Если от президента — то идея опять-таки на корню обречена. Эта идея может исходить и быть реализована только извне власти.

Второе. Парламент собирается в ближайшие две недели преодолеть вето президента по закону о телевидении и радиовещании. Закон этот, вполне возможно, несовершенен, но сейчас нам представляется принципиально важным преодолеть вето, проголосовать за этот закон в той редакции, в какой он был принят прежним составом Думы. Сможет ли это сделать верхняя палата парламента — это для меня большой вопрос, но мы сделаем то, что зависит от нас. Что касается телевидения, то... Никого почему-то не пугают газеты, пишут они бог знает что и про власть, и про разные аспекты нашей общественной жизни. И считается, что как в фигурном катании десять независимых судей обеспечивают объективность интегральной оценки, так точно и огромное количество газет в России обеспечивает общую усредненную объективность интегральной оценки. Но с телевидением так не может быть потому, что на сегодня каналов очень мало. Хотя, если учитывать и региональные станции, то много. Так вот, до тех пор, пока мы будем платить из своих налогов за телевидение, мы должны будем считать, что общественный контроль за телевидением необходим. Но не за всем, а за тем телевидением, за той его частью (на мой взгляд эта часть должна быть достаточно небольшой, по возможности как можно меньше), которая оплачивается все-таки за счет налогоплательщиков или бюджета. Но, ни в коем случае это не должен быть контроль государственный. Это должен быть контроль общественный. Государство здесь является только одной из сторон, ни в коем случае в виде своих чиновников эта сторона не должна довлеть. В любой момент государство представлено конкретными людьми. Если государство тяготеет к авторитаризму или к тоталитарности — значит, это будет либо ЦК, как в старые времена, либо президент, как в нынешние времена, либо еще какая-то власть. Ни одна из ветвей власти не в состоянии представлять общество в целом. Только обязательно с добавлением структур, пока что еще слабеньких, развивающегося гражданского общества. Вот как это сделать — это наша общая задача на большую перспективу, на большое время.

И.Шабдурасулов. Поскольку ставился вопрос изначально о выработке некоторого доклада, может написания доклада или тезисов, я бы хотел некоторые вещи предложить включить в тот текст, который, очевидно, будет разрабатываться и дорабатываться.

Во-первых, мне кажется, что в констатирующей части необходимо отметить два основополагающих на сегодняшний день момента. Первое — это то, что фактически сейчас, при отсутствии государственно-информационной концепции, на самом деле отсутствует идеология государственности. И это огромная проблема, которую я не представляю, каким образом можно решить в какие-то условно сокращенные промежутки времени.

Второе. Необходимо отметить, что в сегодняшней обстановке телерадиовещание не является финансовым приоритетом в бюджетной деятельности исполнительной власти. Это факт, который надо отметить и на который надо обращать первостепенное внимание.

И третье — что сфера телерадиовещания является предметом политической коллизии между законодательной и исполнительной ветвями власти. Отсюда возможен и, на мой взгляд, необходим переход к некоторому тезису о законодательной базе в этой сфере. Должен сказать, что сейчас есть две серьезные тенденции, беспокоящие. Первая — это попытки ряда представителей и

исполнительной, и законодательной власти, также как и ряда общественных деятелей предложить внести изменения в закон о средствах массовой информации. При всех его недостатках я считаю это будет трагической ошибкой, если закон о средствах массовой информации будет подвергнут сейчас ревизии или обструкции. Вторая тенденция. Это закон о телевидении и радиовещании, о котором здесь сказал коллега. Я вполне допускаю, что Государственная Дума преодолет вето президент, но думаю, что многие видели проект этого закона в редакции принятой Госдумой. Утверждаю, что в этой редакции закон пуст по своему содержанию; он не дает той желаемой регламентации деятельности телерадиовещания. И единственная причина вето президента, если отойти от частности, состоит только в том, что в предлагаемой редакции предусматривается создание некоторой федеральной комиссии по телерадиовещанию — оговорено это в законе о СМИ, наподобие упоминавшегося французского аудиовизуального совета. Но исполнительная власть в данном случае возражает, во-первых, против работы этого органа на постоянной основе как неприкасаемых и чего-то типа конституционного суда. И, во-вторых, совершенно не понятно, в чем же будет состоять функция этой комиссии? А из текста закона, который предлагается, следует, что это будет просто государство в государстве. Не уверен, что это будет в контексте, того, что обсуждается здесь.

И, наконец, говоря о более тактических вопросах, я хотел бы подчеркнуть, что, на мой взгляд, в организационном отношении сейчас вряд ли имеет смысл обсуждать различные предложения по слиянию, разделению, переключению кнопок различных каналов. Скорей всего, речь должна идти о комплексном подходе к реорганизации системы телерадиовещания в ее технической части. И по этому поводу не могу не отметить, что та федеральная программа по развитию телерадиовещания, которая уже почти три года «катается» в различных коридорах, так и не принята даже к рассмотрению. Это к вопросу о приоритетах финансовой деятельности, бюджетной деятельности обеих ветвей власти.

И последнее. Мне кажется, что, возвращаясь к теме взаимоотношений власти и телевидения в повседневной жизни, должны быть два принципиальных посыла для тех, кто взаимодействует с властью. Во-первых, ни в коем случае нельзя врать, учитывая публичный характер деятельности телерадиовещания, потому что это, в первую очередь, дискредитирует саму власть. И, во-вторых, я убежден, что при определенных условиях возможен двусторонний контакт представителей телевидения-радиовещания и представителей власти, любых ее ветвей, который позволяет разъяснять позиции, который может даже в отдельных случаях изменить «угол подачи» событий, по поводу которого идут сейчас главные споры и главные претензии друг к другу.

К.Затулин. Я могу сказать, что «сторожилы ничего не помнят». Я, как сторожил, не помню более замечательного заседания, чем то, которое произошло на наших глазах. Просто-напросто на наших глазах освоили смежные профессии. Представителей спецслужб и родственные им ученые нырнули в методологическую глубину, объяснили, чем плохо телевидение и почему оно всегда, как постоянный вор, утаскивает что-то от национальной безопасности. Что касается руководителей средств массовой информации — телевидения, популярных уважаемых наших телевизионных звезд — то в общем они, конечно, слушают сердце народное, поэтому они здесь отстаивают тезис, который мне кажется дополнением и творческим развитием тезиса покойного Людовика: «Государство — это я». Они сказали: «То, что мы показываем — это и есть то, чего хочет народ. Мы и есть народ, поэтому будьте уверены, что всё, что мы не показываем — не есть народ, и не есть интересно для народа». Я, во всяком случае, так понял.

Была довольно острая реакция на всякую критику, я бы даже сказал болезненная, но, зная спортивный дух Игоря Малашенко и Александра Любимова, я так сказать не могу. Я скажу «острая».

Прежде всего, лично мое впечатление, человека постороннего: как-то очень мало и в том, и в другом правды. Мне так кажется. Ну, знаете, как в глазах Познера, который из Америки в прежние годы объяснял, чем плох американский образ жизни. Что-то такое в глазах было, что заставляло сомневаться, хотя все было профессионально, и с телевизионной точки зрения довольно убедительно. Просто, если руководители средств массовой информации настолько знают, чего хочет народ, тогда я не пойму, почему моя дочь, которой уже сейчас десять лет, она знает каждую рекламу наизусть. Если ее даже разбудить ночью, она скажет: «Кипятильник «Тефаль» — с ним можно пойти куда угодно». Так вот, она стала у меня интересоваться Гайдаром последнее время, потому что уже нет мочи смотреть на этот мучительный процесс самоопределения Гайдара, кому он отдаст три процента. С утра до вечера по всем каналам телевидения показывают г-на Гайдара, который все самоопределяется, и я уже не могу это выносить, это очень тяжело. Это, видимо, то, чего хочет народ. Народ отдал три процента г-ну Гайдару. Как бы он и нам отдал не так много, но все-таки где-

то на 1,3 процента больше, и мне хочется все-таки когда-нибудь тоже рассказать о том, кому бы мы хотели отдать свои 4 процента.

Я к чему это все говорю? К тому, что, наверное, как в случае с лишними людьми, эта дискуссия слишком рано состоялась. Уважаемые представители демократического телевидения пока еще не погрузились в пучину президентской компании. Вот здесь отсутствует, ушел Пушков. Мы вчера провели легкую разминку на тему о телевидении, ОРТ. Мне кажется, что я его убедил, что ОРТ в свое время было создано для того, чтобы подчеркивать достоинства стабилизации, усыплять наш взбудораженный народ, вернуть нас во времена кота Леопольда, и все это олицетворялось фигурой В.С.Черномырдина. Туда пришли демократические руководители, господа Благоволин, Пушков и все остальные. Они всё очень мило нам объясняли, и сериалы поэтому в таком количестве шли о той красивой жизни, к которой надо стремиться. Но вот сейчас, я боюсь, им придется совершить большой внутренний надлом, потому что приходят новые времена и, наверное, на этом телевидении, я слышал, появится г-н Невзоров, который должен затрубить в трубу и объявить антикоммунистический поход. И это совсем другое ОРТ. Это ОРТ, которое не должно усыплять, а которое должно всех возбудить и сказать, что страна на пороге гражданской войны, страшного коммунизма и т.д. Вот я хотел бы посмотреть, как тогда мы заговорим о предвзятости или непредвзятости телевидения, потому что как бы не вступила еще в свои полные права президентская компания. Если бы мы месяца через два собрались, я думаю, у нас были бы другие впечатления от того, насколько можно манипулировать телевидением.

Я стал замечать, что и передача «Итоги» как-то в последнее время обнаружила в президенте Ельцине определенные достоинства. Я просто хочу теперь сказать, что, наверное, правды нет ни там, ни там. Что, извините, мы не поверим, я лично не поверю в то, что нет политических пристрастий, нет ангажированности, и все можно свести к тому, что кто будет отстаивать и объяснит лучше, лучше объяснит парламентским корреспондентам телевидения свою точку зрения, — тот и попадет на экран. Я в это не верю. Не верю, потому что я в этом парламенте работал два года и знаю, на какие ценности ориентируются парламентские корреспонденты, в том числе и НТВ.

А с другой стороны, я хотел бы сказать В.А.Рубанову, что, к сожалению, все что вы здесь говорили о защите русского языка, национальной культуры и т.д., вы говорили как человек причастный к власти, один из ее функционеров, но, наверное, вы не будете на меня в обиде, если скажу — не самый главный. Почему же самые главные функционеры не задают такую задачу этому телевидению? Почему они задают задачу рекламировать Бориса Николаевича или Виктора Степановича? И не задают задачу распространять русский язык и русскую культуру? Почему с такой же страстью они не дают возможность «Логовазу» зарабатывать средства не для того, чтобы рекламировать себя, а для того, чтобы продвигать русский язык, культуру, национальную самобытность и т.д.? Они как-то вот в момент постановки задачи перед г-ном Березовским не ставят ему такой цели. И, может, это больше характеристика государства и режима, в котором мы живем, чем самого телевидения. Ну, выкручивали бы руки ОРТ и требовали, чтобы каждый день плясали бы «Камаринского». Выкручивали бы и говорили: «Всё, если не будут показывать, значит завтра лишим орденов и званий». Не делают этого. Вместо этого смотря, не промелькнул ли случайно Зюганов, Скоков, Лебедь... Но только не Гайдар — тут своя история.

И последнее, что хотел сказать, потому что это самый последний вопрос, он сегодня не возникал. Я хотел бы о бедной диаспоре замолвить слово. Все это, конечно, мило и хорошо, когда мы это обсуждаем здесь. Здесь, в России, у нас есть возможность что-то поправить, может быть, когда-нибудь. Но дело в том, что есть еще такое явление, как не убитое еще общеинформационное пространство. Или не до конца убитое. Я наблюдал за душераздирающими дискуссиями в Болгарии, в народном собрании Болгарии, о том, надо ли спонсировать дальнейший показ программ российского телевидения. В Болгарии совершился как-бы переход от тотального отрицания коммунизма, социализма и Советского Союза к ностальгической волне воспоминаний о том, как было хорошо. И вот публично, в народном собрании было уже невозможно тем, кто против России, или, скажем, был против Советского Союза, демократическому крылу просто говорить: «Мы не будем платить за эти программы». Поэтому знаете, каким образом, они вели борьбу против других парламентариев, которые настаивали на том, что они должны из средств Болгарии спонсировать показы российского телевидения там, в Болгарии? Они говорили: «Зачем нам показывать российское телевидение, это уже давно не российское телевидение. Там так много американских сериалов, что лучше мы будем напрямую закупать, потому что, если мы покупаем российское, на самом деле мы покупаем плохое американское». Вот у них была такая система аргументации, они впрямую не могли бороться, поэтому прибегали к ней. Я хочу сказать, что сегодня, сталкиваясь с так называемым новым или ближнем зарубежьем, нет более претенциозных и предвзятых сообщений — я говорю о государственных

каналах, я сейчас НТВ не хотел бы упоминать в этой связи, потому что здесь картина, мне кажется, более сложная — но государственные каналы, так называемые собкоры в странах ближнего зарубежья — это прямые проводники интересов этого самого ближнего зарубежья в Российской Федерации. Я оставляю вам рассудить, насколько эти интересы соответствуют: наши национальные и их национальные. Но то, что никогда нельзя без волнения смотреть сообщения из Казахстана и Украины, настолько они претенциозны, и настолько они сознательно не замечают того, что там происходит и с русским населением, и с теми факторами, которые для нас важны. Они такие успокоительные. Я говорю прежде всего о первом канале. Каждый раз находят объяснения для позиции официальные и каждый раз не находят возможности предоставить в эфире слово какому-нибудь гонимому активисту русской общины, посаженному там атаману семиреченских казаков или еще кому-то. Не дают такой возможности. И здесь просто-напросто давно уже в силе телевидения убедились руководители новых независимых государств. Они его используют и ведут пропаганду своих режимов через российское телевидение.

Рубанов: Я хотел бы подчеркнуть, что Совет безопасности здесь не причем, и в заседании СВОП я участвую сам по себе, по фамилии, без приставки кто я есть. Я высказываю свою позицию и хотел бы, чтобы ее воспринимали как позицию личную.

Второе. Разночтений между тем, что я говорю здесь и теми документами, которые готовлю как эксперт — потому что у власти были Вы [Затулин], я у власти никогда не был, я работал как эксперт высокого ранга, не более того — я думаю, что противоречий в моей позиции, что здесь, что там никто обнаружить не сможет.

И последнее, если бы у меня был полный духовный экстаз, наверное я не присутствовал бы на заседаниях Совета по внешней и оборонной политике.

Каторгин. Я бы хотел затронуть три вопроса, очень крупных. Может вы меня за них покрикуете, потом уже, после совещания, но все же. Что в моем понимании, понимании технического специалиста, — безопасность, вот по тексту дискуссии. Станислав Петрович Половников немного осветил вопрос о том, что создаются новейшие средства телекоммуникаций, которые, минуя любые государственные структуры, доходят до каждого потребителя, у которого будет аппарат меньше, чем те, которые мы сейчас носим в кармане, и это будет широкополосная связь, и видео, и телефон и т.д., и будет такой доступ. Поэтому, я бы хотел привлечь внимание телевидения уже сегодня — поверьте, эти вопросы уже глубоко прорабатываются — к тому, что нужно сегодня привлекать общественное мнение и формулировать, говоря техническим языком ТЗ, «техническое задание» для МИДа, для тех кто занимается внешней политикой на предмет выработки международных соглашений, о том чтобы было недопустимо, или допустимо при определенных ограничениях, внедрение в территориальное пространство информационного поля другой страны. Это очень важный фактор. Почему? Потому что, как уже было сказано, ядерное оружие уничтожает физическое тело, информационное оружие уничтожает духовное тело. Это должны быть такие же договоры, как и запрещение по СНВ-1 и СНВ-2.

Второй момент. Технический уровень любой страны, тем более такой, как наша, должен обеспечить то, чтобы не навязывалось нашему народу или нашей стране дезинформация и т.д. Я не буду этот тезис развивать, скажу только о том, что здесь нужно вырабатывать техническое задание для наших ученых и промышленности, такие задания сейчас уже сделаны, есть концептуальные планы общероссийской телекоммуникационной системы. И здесь мне бы хотелось привлечь телевидение к тому, чтобы начинать потихоньку заниматься этой проблемой и адаптировать общественное мнение к необходимости этого вопроса. Вот два главных тезиса, обеспечивающих национальную безопасность.

И последний тезис. Я понимаю так: для того, чтобы не было перекосов и не перекашивали мы души народа, души своих людей и т.д. очень бы хорошо выработать внутренний кодекс для тележурналистов, телеэфира, не навязанный кем-то сверху, тем более государством, а внутренне выработанный самими, хотя бы в общих чертах, который бы регламентировал деятельность, и был бы полезен для народа. Вот таких три тезиса, мне бы хотелось, в итоговый документ внести, и хотя бы их рассмотреть.

Малашенко. Я одну цитату вдруг вспомнил, чтобы довершить обвинение в американизации. Шутка из старой подписи под юмористической картинкой в «Нью-Йорк Таймс»: «Говорят, 90 процентов телевидения — это мусор. Но, в конце концов, 90 процентов чего угодно — это тоже мусор».

Караганов. Мы сейчас сформируем две рабочие группы группы. Я зачитаю приблизительный их состав. И попрошу либо добавить, либо убрать. Либо самоотзыв, либо добавление к этому списку.

1. Группа, которую мы условно называем, по подаче Виталия Товиевича, «СССР». Хотя никакого отношения к СССР эта группа не имеет. Ее сопредседатели: Третьяков, Караганов. Члены: Арбатов, Шахрай, Салмин, Затулин, Федоров, Манилов, Кожокин, Картунов, Миронов, Серов.

2. По телевидению. Сопредседатели: Малашенко, Третьяков. Члены: Пушкин, Леонов, Любимов, Караганов, Никонов, Рубанов, Шахрай, Шалахметов, Батуров, Половников, Шабдурасулов, Егоров.

Секретарями обеих комиссий будут господа Белкин и Борисова, и мы решим, как это все сделать. Мы в ближайшую неделю подготовим укороченный вариант этой дискуссии, разошлем его членам рабочих групп, и начнем работать. Хочу поздравить нас с удачным заседанием, а так же с тем, что впервые в рабочей группе Совета участвует представитель иностранного государства, Казахстана.